Цветы и птицы

Автор:
Мария Метлицкая

Цветы и птицы

Мария Метлицкая

Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет

Предательство близкого человека – самое страшное, что может случиться в жизни. Но, увы, никто от этого не застрахован. И подготовиться к этому, подстелить соломку – невозможно.

Конечно, такой удар – проверка на прочность, и далеко не все могут с ним справиться. Для этого нужно очень любить жизнь и, как ни странно, любить себя.

Героини Марии Метлицкой трудно и мучительно переживают эту трагедию. Но – переживают. Потому что жизнь продолжается, пока мы живы. Важно об этом помнить.

Мария Метлицкая

Цветы и птицы

© Метлицкая М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Цветы и птицы

Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно – и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха – пережидала. Знала, подруга накричится и успокоится. Так бывало всегда.

Однако сегодня Каринку несло.

– Слушаешь? – периодически сурово уточняла она.

Анна торопливо отвечала:

– Да-да, конечно! А что же я делаю, по-твоему, господи?

Карина недоверчиво усмехалась:

– С тебя станется!

Анна слушала. Разумеется, слушала. Морщилась, кривилась, но слушала. И понимала – подруга права.

Наконец та замолчала, громко выдохнула и произнесла последнее:

– Ну? Какие действия?

Каринка была человеком действий, кто спорит? А Анна… Анна уж точно таким человеком не была.

– Ну… А каких действий ты, собственно, ждешь? – И торопливо, боясь гнева подруги, добавила: – Нет-нет! Я поняла! Ты, конечно, права! Только… Мне надо подумать.

Каринка опять взорвалась:

– Подумать? Ну да, разумеется! У тебя же совсем не было времени, чтобы подумать! Ты же так занята, правда? Спасибо, что хоть на этот разговор время нашла!

Анна пыталась подругу остановить, понимая, что это труд напрасный и пока Каринка не выскажется, не замолчит.

И все же примирительно сказала:

– Кар, да я все поняла, успокойся! И повторяю, ты, конечно, права. Просто… Это же такое дело… Ну как так – с обрыва? Надо прикинуть, посчитать, наконец. Дело-то очень серьезное.

Каринка перебила:

– Слушай, а у тебя вообще деньги есть? В смысле – отложены?

– Да-да! – заторопилась Анна. – Конечно, а как ты думала? Ты же знаешь меня, я осторожная и аккуратная. И еще – такая трусиха!

– Я не имею в виду деньги на твой обезжиренный кефир и на УЗИ желудка – я имею в виду деньги, Ань! Ты поняла?

Пока Анна медлила с ответом, Карина ответила сама:

– Господи, да о чем я? Что я у тебя спрашиваю? Совсем рехнулась. Какие деньги? Ну какие у тебя могут быть деньги? Нет, это я, Ань, дура, а не ты!

И она замолчала.

Анна тоже молчала, прикидывая, что тут можно ответить. Точнее – соврать.

– В общем, так! – снова вступила Карина. – Путевку я тебе оплачиваю. И никаких возражений! Ты меня знаешь, как я сказала, так и будет! Путевку оплачиваю, а уж все остальное – сама! И кстати! Путевка – это не благотворительность, это подарок на твой юбилей! Мне так проще, не надо голову ломать: раз – и все, я свободна. А, красота? – Теперь голос Карины чуть поутих, стал мягче. Она

понимала, сейчас начнутся баталии.

Анна задохнулась от возмущения:

– Ты спятила, Кар? Какие подарки, какой юбилей? Я вообще о нем не думаю, вообще забыла! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому – как я ненавижу свои дни рождения! А уж юбилеи эти… Нет, ты правда рехнулась!

– Ага, – беспечно согласилась Карина, – рехнулась. Короче – хочешь мне облегчить жизнь? Тогда – соглашайся.

И совсем умоляющим голосом добавила:

– Ань! Ну ты же знаешь – мне это вообще ничего не стоит!

Анна вспыхнула и оборвала разговор:

– Все, Кар! Ты меня услышала. Закончили, все. А над твоим предложением я подумаю, обещаю! – со смехом добавила она. – Слышишь, о-бе-ща-ю! – И положила трубку.

Обе понимали – разговор не закончен. Они слишком хорошо знали друг друга.

Анна потерла горящие от возбуждения и возмущения щеки и прошлась по комнате. Нет, Каркино предложение – что говорить? – мечта. Сказка. Но быль ли? Денег, конечно, не было. Нет, они были, но разве это деньги? Каринка права – на обезжиренный кефир и УЗИ. На другое не хватит. А уж на поездку в Италию… Смешно.

На всякий случай Анна залезла в заначку, как будто там что-то могло измениться. Сумма была ей известна до копейки. И прибавиться ничего не могло. Она быстро пересчитала жалкую пачечку долларов и вздохнула. Нет, ничего не получится. К тому же в Италии – евро, а он дороже доллара. И это означает только одно – денег еще меньше.

Она убрала деньги обратно. Нет, и думать нечего! Да и вообще – подумаешь, мечта. Мечта на то и мечта, чтобы оставаться мечтой и не делаться былью.

Анна Валентиновна Березкина, вдова пятидесяти четырех лет – через два месяца пятьдесят пять, – села в кресло и закрыла глаза.

В последнее время, а точнее в последние полгода, она была совершенно свободна. Дела закончились. Хотя, если разобраться, свободна она была всю жизнь. Но теперь это было определенно и окончательно – она могла подолгу лежать на диване, сидеть в кресле, смотреть телевизор, читать журнал или книгу. Подолгу пить чай и смотреть старые фото. Болтать по телефону. Правда, болтать было особенно не с кем, да и, честно говоря, неохота. Только с Каринкой. Но это уже судьба. Короче, она могла вообще ничего не делать.

Она могла не готовить обед и ужин, а также завтрак. Могла не варить бесконечный кофе и заваривать крепкий чай. Могла не мыть кисти, не складывать подрамник и краски. А еще не звонить заказчикам и галеристам. Не гладить рубашки и брюки. Не вытирать бесконечно, по сто раз на дню, пыль – в доме больше не было аллергиков.

В доме вообще больше никого не было. Кроме нее, Анны Валентиновны. Потому что ее муж, Игорь Березкин, умер, и она стала вдовой. Потому что закончилась старая жизнь и началась новая. Анна Березкина осталась абсолютно одна. Одна на всем белом свете – Каринка не в счет. Ни родителей, ни детей у Анны Березкиной не было. Да и с родней было не очень – хотя, может, это и хорошо?

Анна Березкина всегда принимала действительность так, как ее преподносила судьба. И никогда не роптала. Никогда. Ни разу в жизни. И даже наоборот – считала себя счастливым человеком.

Вот уж воистину – прекрасное свойство натуры! И вправду счастливая – ни на кого не обижена и за все благодарна. Счастливица, верно?

Нет, разумеется, она не воспринимала уход мужа как счастье – господи, да о чем вы? Это было огромное, бесконечное и безбрежное горе – столько лет вместе, вся жизнь. Вся ее жизнь – это Игорь Березкин. Которому верой и правдой она прослужила тридцать четыре года.

Всю жизнь она жила во имя. Ради. Для. Для него, во имя него, ради него. Он был талант. Большой талант. Большой и, кстати, всеми признанный – что тоже не

пустяки.

Анна была «при». При великом муже. Тень, дух, отсвет, отражение, отблеск. Была почти бесплотна и даже гордилась этим. Двух гениев в одной семье не бывает! Эта фраза стала ее лозунгом, идеей фикс, девизом и смыслом жизни – служить гениальному мужу. Служила она ему верно и рьяно. С собачьей преданностью, как говорила Карина.

С его уходом Анна потеряла все. Потеряла сам смысл жизни – вот что было страшно. Она почти не выходила из дома, только в магазин за самым необходимым. Ни в театр с Кариной, ни в кино. Никуда. Никаких развлечений и увеселений. Впрочем, какие увеселения у немолодой женщины, всю жизнь живущей жизнью другого человека? Она давно отвыкла от себя и от своих желаний. После ухода Игоря, Гарика, как она его называла (по его, кстати, просьбе), Анна Валентиновна, тихая и скромная, выдержанная и невозмутимая, неконтактная, совершеннейший интроверт, совсем замкнулась в себе. Общалась только с Каринкой – ну тут уж, как говорится, распорядилась судьба. Всю жизнь рядом – вместе с детского сада до институтской скамьи и дальше. Никогда они не терялись, надолго не расставались, серьезно, до трагического разрыва, не ссорились, несмотря на категорически несхожие характеры, противоположные судьбы и вообще непохожие во всем, включая социальное и финансовое положение.

Говорят, что мужчина – это судьба в жизни женщины. Но и подруга бывает судьбой, вы уж поверьте.

Первая встреча девочек состоялась под ноябрьские праздники в детсаду «Елочка» под бравурный марш чокнутой музработницы. Нарядные дети, держась за руки, входили в актовый зал и вставали полукругом вокруг композиции, любовно составленной все той же чокнутой музработницей – искусственный венок из пластиковых листьев, почти кладбищенский, увитый алыми лентами и транспарантом «Слава КПСС! С великим праздником революции, дорогие друзья!». Дети ничего не понимали, были напуганы, сбивались с ноги, спотыкались, жались друг к другу, толкались плечами и по очереди начинали рыдать – музработницу они боялись, куплеты тут же позабыли и очень хотели к родителям, сидевшим на стульях напротив. Но никто к ним не рванул – музработница, сурово сдвинув брови, исподтишка погрозила малышне кулаком. Все кое-как разместились и недружно завыли: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Родители каменели от ужаса происходящего: пластиковый венок, криво написанный транспарант и насмерть перепуганные дети – вот уж кошмар так кошмар! Вдруг одна девочка, высокая и толстая, вырвалась из нестройных рядов запевал и бросилась к матери, такой же черноволосой, полной и яркой женщине, в крупных и длинных серьгах и красном шелковом платье. Женщина прижала девочку к груди, утерла ей слезы и, взяв за руку, резко и решительно вышла из актового зала, бросив у двери гневный и красноречивый взгляд прекрасных горячих восточных глаз на горе-музыкантшу. Мотнув красивой головой, с возмущением произнесла:

– Господи, детям – и такую чушь! Вы совсем обалдели!

Музработник смутилась, залилась свекольной краской, и ее крупные рабочие руки повисли над клавишами. Она заморгала глупыми и блеклыми глазами:

– Что это, как? Кто посмел? Посреди праздника?

И родители, и воспитатели, и дети проводили восставших растерянными взглядами. Воцарилась тишина.

Но тут сообразительная заведующая взмахнула рукой:

– Продолжайте, Раиса Петровна, не обращайте внимания!

И праздник пошел своим чередом.

На следующее утро толстую чернявую девочку Аня встретила в раздевалке. Та внимательно, по-взрослому, посмотрела на заробевшую Аню и наконец со вздохом сказала:

– Ну что, будем дружить? Я Карина.

Аня захлопала глазами и тут же кивнула: она вообще не умела отказываться. Новая подруга взяла ее за руку, слегка дернула и вопросительно посмотрела на нее:

– Ну чего встала? Идем?

Анечка закивала и быстро засеменила вслед за новой подругой. Уже тогда, в раннем детстве, она была ведомой, и эта роль ее ничуть не угнетала – каждому, как говорится, свое.

За завтраком сидели парами – мальчик с девочкой, детей рассаживали воспитатели. Но новая подруга решительно села рядом с Анечкой, отпихнув конопатого и тишайшего, влюбленного в Анечку и мгновенно заревевшего Вову Кулакова.

– Она будет сидеть со мной! – сурово объявила Карина.

Обалдевшая Анечка снова покорно кивнула. Правда, и Вовку ей было жаль. Но что поделать? Спорить с Кариной смысла не было – в свои неполных пять лет она поняла это сразу, в ту же минуту. Поняла и усвоила навсегда. Так началась их дружба.

Кажется, хмурую и очень бойкую девочку побаивалась даже воспитательница – по крайней мере есть манную кашу Каринку не заставляли, в тихий час над ее кроватью с суровым взглядом не стояли и не заставляли Каринкину мать завязывать дочери на праздники капроновые банты – какая безвкусица, господи!

Позже выяснились подробности. Каринка жила в том же доме, что Аня. Только Аня жила давно, сто лет, с самого своего рождения, а Каринка переехала туда совсем недавно – месяц назад. Дом стоял полукругом, и оказалось, что квартиры девочек строго напротив – на пятом этаже окна Анечки, на шестом – квартиры Каринки. Окна в окна. Каждое утро, и в будние дни, и в выходные, и в праздники, и в каникулы, строго соблюдался ритуал: в восемь утра – приветствие, свидание у окна. Ну а уж в дальнейшем была разработана система опознавательных знаков: три взмаха – все ок, через полчаса во дворе. Четыре – не, попозже, дела. Ну и пять – сегодня никак, увы!

Каринка жила с матерью и дедом с бабкой. Все ученые-биологи. Дед, бабка – профессора. Мама, та самая строгая, яркая и красивая женщина в крупных серьгах, Нуне Аветисовна, – тоже профессор.

Дед, Аветис Арамович, считался в семье главным. Его боялись и с ним считались. Даже суровая Нуне, его дочь, старалась с ним не связываться. А уж его жена, бабушка Каринки, Нина Константиновна, та вообще помалкивала. «В этой армянской семье я бесправна!» – восклицала она, возводя глаза к потолку.

Лет в двенадцать Каринка открыла Ане страшную тайну: «Бабка боится деда? Да ты о чем? Это она делает вид! Все делают вид – и мама, и я. А на деле – всем заправляет бабка Нина! Крутит им, как коровьим хвостом. Уж ты мне поверь!»

Аня, привыкшая к тишине и разговорам вполголоса, вздрагивала, попав в шумный дом. Каринка смеялась: «Привыкай! Итальянский двор, а не семья – здесь говорить тихо никто не умеет. Здесь даже молчат громко! Ха-ха».

И вправду, все говорили так, что поначалу Анечка пугалась: скандал? Нет, не скандал – отношений не выясняют, просто что-то по-семейному обсуждают. А если и выясняют отношения, все равно это не скандал и не ссора – это нормально, это забота. Это любовь.

Нина Константиновна, например, всегда возмущалась: «Я, между прочим, тоже профессор и доктор наук! А вожусь целый день у плиты – подай, принеси, убери. Я не прислуга, вы меня слышите? Я – самостоятельная единица!»

«Единица! – хмыкал дед и со смешком добавлял: – Принеси-ка мне чаю! И с бутербродом. Обеда у вас не дождешься!»

И Нина Константиновна, ворча и сетуя, тут же несла мужу чай.

Про обед это тоже вранье – обед в семье был. Всегда. И какой! В доме всегда вкусно пахло – травами, пряностями, специями, мясом и крепким бульоном.

Нуне, мать Каринки, целыми днями пропадала в университете, где преподавала. Аветис Арамович ездил в свой институт три раза в неделю – за ним приезжала «Волга» с водителем, и бабушка Нина торжественно выводила его во двор – уже тогда он страдал артритом и ходил тяжело. Нина Константиновна смахивала ладонью невидимые пылинки с черного костюма мужа и поправляла галстук. Тот раздраженно отмахивался, ворчал и гнал жену домой. Но глаза его были полны любви. А она оставалась во дворе до последнего – пока черная «Волга» не скрывалась за поворотом. Тогда она крестила вслед воздух и, тяжело вздохнув,

шла к подъезду, бормоча по дороге: «Ну, слава богу! Хоть передохну пару часов».

Но отдыхать ей было некогда – хозяйство. Она бесконечно готовила, убирала, стирала и гладила. Работала она, писала статьи в научные журналы и рецензии на диссертации, по ночам, «когда все угомонились и оставили меня наконец в покое».

Каринкиного отца Аня никогда не видела. Лет в четырнадцать осмелилась спросить. В ответ услышала: «Да и я его ни разу не видела! Нет, конечно, он был, существовал – ну не от святого же духа я родилась. Только ничего у них с Нуне не получилось – даже женаты не были, насколько я знаю. Так, случайная связь. Отец для меня – дед, ты и сама знаешь. Кто он, мой отец? А черт его знает! Вроде какой-то дедов аспирант. А может, и нет. Подробностей я не знаю – эта тема в семье закрыта. Да и меня, если честно, это не особенно волнует – раз его нет в моей жизни, значит, дрянь человек. Нормальный ведь от ребенка не отказался бы, верно?

У Ани все было по-другому. Семья была полной – и мать, и отец. Оба были людьми тихими, незаметными – инженеры-проектировщики, работали в одном КБ. Жили скромно и скучно – гости бывали редко, в отпуск ездили в пансионаты по профсоюзной путевке, радуясь дешевизне. Ну и в санатории – Ане казалось, что лечились они всегда. Нет, пару раз съездили к родне отца в Кострому – вот и все воспоминания из детства. Позже Аня поняла – и мать, и отец были людьми неинтересными и скупыми, вечно что-то откладывали, сберегали.

В семье была любимая фраза:

– Этого мы себе позволить не можем!

Произносилась она, что удивительно, с большой гордостью.

«Дорого и неразумно» было принимать гостей. Шить на Новый год новое платье ни к чему – еще и старое вполне ничего, подумаешь, праздник! Дорого ходить в театры. А уж про кафе смешно говорить! Неразумно покупать новые сапоги – старые можно снести к обувщику и поставить свежие набойки. Пальто перелицовывались, каблуки переклеивались, кипяток в заварной чайник заливался по четыре-пять раз, до белого цвета. Скатерть штопалась, носки

тоже. Из средней курицы делался скучный обед на пять дней. Бульон из костей – мясо обдиралось до крошки. А потом это мясо мелко резалось, даже крошилось, и из него мама делала второе – тушила с картошкой или рисом, все. Немного соли – вредно для здоровья – и никаких специй – у всех больные желудки.

Мама пугалась, что у дочки нет аппетита – таскала бедную заморенную и бледную девочку по всевозможным врачам – глисты? Кислотность? Катар желудка? Ничего, слава богу, не находили – так, низковат гемоглобин. «Гранаты, печенка, черная икра – все, справитесь быстро, – уверенно сказала участковая врач. – Таблетки давать не хочу, такие цифры легко поднимете продуктами!»

Мама расстроенно молчала. Поехали на рынок. Аня была там впервые в жизни, и все ее потрясло. Какие розовобокие, крупные яблоки! Какие невозможно красивые и ароматные огурчики и помидорчики! Кислая капуста, соленые помидоры, черная и красная икра, копченая рыбка – вдруг захотелось всего и сразу! Аня глотала слюну.

Мама долго мяла гранаты, чем вызвала раздражение черноусого важного продавца. Долго и нудно торговалась и наконец взяла два некрупных. Аня видела, как насмешливо смотрел на них черноусый. Взяли и кусок бордовой блестящей печенки, пахнувший кровью. «Парная!» – важно сказала мама.

Но гемоглобин у Ани не поднялся, и на рынок они больше не ездили. На следующем приеме, сдав повторно кровь, удивили врачиху.

– Странно! – растерянно сказала она. – Ну что ж, давайте таблетки!

Нет, родители Аню, конечно, любили. Как умели любить – себя, друг друга и весь окружающий мир, включая и ее, их единственную дочку. Позже Аня поняла – с аппетитом у нее всегда было нормально. Не любила она мамину еду, а вот еду Айвазянов…

В семье Айвазянов постоянно стоял дым коромыслом, как говорила Нина Константиновна. Частенько наезжала родня из Еревана и Масиса. По полгода гостила семья сестры из Цахкадзора. Сотрудники Аветиса Арамовича, студенты Нуне Аветисовны, подруги Нины Константиновны – дом гудел, как котел.

Без конца женщины торчали на кухне – лепили бораки, что-то вроде наших пельменей, ловко крутили долму, закладывая ее в семилитровые казаны, варили густой фасолевый мшош и арису – кашу из дзвара, пшеничных зерен и вареной курицы.

Аня с тоской вспоминала обеды и ужины в своей семье, а также завтраки: геркулес на воде – очень полезно – и овощной суп – Аня называла его «скучным супом». Паровые тефтели – профилактика гастрита, жидкие кисели, пюре на воде – молока чуть-чуть, полстакана. А уж масла ни-ни! Вареный хек – та еще гадость.

У Айвазянов она, «страдающая отсутствием аппетита», по твердому убеждению мамы, с радостью уплетала и долму, и бораки, и густые, пряные, ароматные супы. Если бы мама видела! Глазам бы своим не поверила.

Гостей у Айвазянов любили, никогда от них, казалось, не уставали.

В Аниной семье гостей побаивались – у мамы округлялись глаза, когда она слышала, что на выходные приедет папина сестра из Костромы: «Господи, чем мы ее будем кормить?»

Анина мама боялась всего – грозы, жаркого лета, нехватки денег, кошек и собак, а также комаров и ос, родственников и насморка. Расстроить и довести ее до слез мог любой пустяк – дырка на чулке, перекипевший суп, косой взгляд начальницы, засохший кусок батона, подкисший творог и грустная концовка фильма или книги. Глаза ее тут же набухали слезами, и Аня беспокойно оглядывалась по сторонам – не видят ли люди? Стеснялась. Мама была болезненной, слабой и скромной – даже передать в автобусе мелочь на билет было для нее мукой и испытанием.

Мама с папой были похожи друг на друга как брат с сестрой, даже внешне – светловолосые, бледноглазые, белокожие. А уж характеры – папа тоже всего стеснялся, остерегался и шугался, даже со слесарем из ЖЭКа робел.

Но в целом жили неплохо. И уж точно – спокойно. В доме Айвазянов Ане казалось, что она попала в другой мир, где всегда шумно, громко, весело, смешно, интересно и очень вкусно. Как она всегда любила бывать там, в этом ярком и пестром доме. И как ей было там хорошо!

А вот Каринка гостить у нее не любила: «Скучно у вас! Как в больнице».

В школу тихая и незаметная Аня и яркая, шумная Карина – заводила, борец за справедливость и безусловный лидер во всем – пошли вместе. Естественно, в один класс. После школы Аня поступила в Полиграфический – она всегда хорошо рисовала. А Каринка, естественно, в универ, на биофак. «Мне туда по судьбе написано, – усмехалась она. – Династия, блин!»

На втором курсе Аня вышла замуж. Все откровенно удивились – и ее собственные родители, и Айвазяны: «Надо же, наша тихая скромница Анечка!» Поддержала ее только Нина Константиновна: «Правильно, Анечка! Чего ждать? Так можно и до пенсии прождать. Любишь – выходи! И сразу рожай, непременно. Пока силы есть», – грустно добавляла она, наверняка думая о своей одинокой незамужней дочке Нуне.

Анин избранник Игорь Березкин был, что называется, «подающим надежды». Во всяком случае, так говорили преподаватели. А вот Анечку все в один голос называли талантом – ее офорты и акварели были признаны лучшими на всем курсе. Она делала и иллюстрации – и здесь ей прочили хорошее будущее. Но больше всего она любила писать цветы. Цветы и птиц. И они выходили у нее «как живые».

Свадьбу справили тихую – своих денег у молодых, естественно, не было, а родители громкого торжества не хотели. «Мы не купцы, а простые советские служащие!» – гордо повторял Анин отец.

Родители Игоря вообще к их решению пожениться отнеслись, мягко говоря, скептически. Впрочем, будущий Анин свекор, народный художник, давно жил своей жизнью и имел вторую семью. Мать же была женщиной болезненной и закрытой. На свадьбу она пришла одна – отец был в отъезде. Сняли скромное кафе и тихо-мирно посидели маленькой компанией – родители молодых и несколько друзей жениха. Со стороны невесты была одна подруга – Карина. Та оглядела жениха и вынесла беспощадный вердикт:

– Этот тебя прижмет и утопит. Будешь под ним и не пикнешь ни разу, я тебя знаю. Эх, Анька! И чего тебя занесло? Жила бы себе… Залетела? – вдруг испугалась она.

Анечка рассмеялась:

– Да нет, не волнуйся, никакого залета, все исключительно по любви и доброй воле.

– Ну то, что по любви, я поняла, – отозвалась подруга. – Ты сама не своя, глаза сумасшедшие. Я тебя такой никогда не видела. Что поделать – несчастный случай! – И с сомнением добавила: – Пусть все будет нормально! Ты же знаешь, Анька, как я тебе желаю этого – наверное, больше, чем все остальные. Но этот твой Березкин…

Аня беспечно махнула рукой – да что Каринка понимает в любви? Пока что вон сидит на печи, как Илья Муромец. И сколько еще просидит – одному богу известно. Кавалеров у нее не наблюдалось, увы. Но подумала она об этом без тени злорадства. Злорадство было Ане абсолютно не свойственно. Тем более когда дело касалось лучшей и единственной, горячо любимой подруги.

После свадьбы устроились в мастерской Игоря. Нет, не так – откуда у него мастерская? Мастерская принадлежала его отцу, известному художнику Сергею Березкину. Только, по счастью, сам народный художник там появлялся редко: проживал он у любовницы – такие вот нравы.

Маленький полуподвал на Масловке был темным, сыроватым, пах мышами. Две комнатки и вечно текущий душ, пользоваться которым было невозможно. Крошечный, одно название, туалет. Для жилья это место было не приспособлено. Но надо было устраиваться – жить у родителей Ани и в голову прийти не могло. В прихожей, размером с бочку, поставили электрическую плитку и повесили дачный рукомойник с ведром – там мыли и руки, и посуду. Ели в комнате, там же и работали. Вернее – там работал муж. А Аня… Аня работала, когда он уходил по делам – ей казалось, что он недоволен, если она занимается не им и не хозяйством, а так, ерундой.

Поймав пару раз удивленный и недовольный взгляд молодого супруга, она тут же убрала папку с набросками. Как оказалось – навсегда. Двум талантам в семье будет сложно, значит, талант в доме будет один – Игорь Березкин. А Аня станет его верной женой, поддержкой, крепостью, гаванью – чем угодно. «Лишь бы у него все сложилось», – думала она. И, надо сказать, эта роль ее вполне устраивала – она так любила мужа, что все остальное, включая ее карьеру,

казалось незначительным, пустяковым, совсем не важным.

Два первых года после женитьбы она все же работала – преподавала в районном Дворце пионеров и школьников. Но то и дело ловила недовольный взгляд мужа – ты опять на работу? И в конце концов уволилась. Теперь она принадлежала только ему.

Амбиции, честолюбие и тщеславие у нее отсутствовали абсолютно – ну как, скажите, как при таком характере сделать карьеру? Зато амбиции были у мужа, да столько, что хватило бы не на двоих – на пятерых!

Отношения между отцом и сыном Березкиными были сложные. Народный, как иронично называл его сын, был и вправду человеком малоприятным – неразговорчивым, хмурым, вечно всем недовольным и капризным, с неизменно оттопыренной нижней губой и брезгливой гримасой на красивом, породистом лице. Когда свекор появлялся на пороге мастерской, почти всегда назревал скандал – Народный всегда находил причину, чтобы прицепиться к сыну или к невестке. Аня, чувствуя накаленный воздух, тут же бросалась предлагать чай или кофе, обед или ужин. Ей всегда хотелось поскорее раствориться, исчезнуть перед его появлением, поэтому она старалась оставить отца и сына вдвоем – пусть разбираются сами.

В первые же годы непростой жизни на Масловке тихая, робкая Аня научилась сражаться с водопроводчиками и электриками – они требовались так часто, что, казалось, были прописаны в этом полуподвале. Старые трубы текли, ветхий туалет постоянно засорялся, отопление не работало, и то и дело вырубалось электричество. Горячей воды не было вообще. Муж делал вид, что все это, все эти мелочи, весь этот быт и бестолковая, пустая суета его вообще не касаются – он творил. Аня бегала в ЖЭК, научилась скандалить и требовать. Денег постоянно не хватало – у художников всегда неровные заработки. Тогда она научилась еще и экономить, покупать, где дешевле, варить суп из топора и даже принимать на эти крохи гостей – муж любил, когда к ним приходили друзья. Не было не только денег, но и продуктов. А условия? Как можно было приготовить на приличную компанию под алюминиевым рукомойником и на однокомфорочной электроплитке? Ничего, Аня справлялась. Только чего это ей стоило…

Накануне выходных она моталась по магазинам в надежде что-либо достать. Притаскивала огромные, тяжеленные сумки – свекла, картошка, морковь.

Крошила ведро винегрета. Счастье, если попадались селедка или сыр, шпроты или сайра – можно было соорудить бутерброды. Килька – вообще красота! Анины бутерброды с килькой и вареным яйцом на бородинских гренках славились на всю Москву. А потом начинался бесконечный кофе. Кофе, кофе, кофе. В кастрюле не сваришь – осудят, эстеты. И приходилось бегать туда-сюда с туркой – одному, второму, третьему. И снова первому, господи!

Гости уходили далеко за полночь – богема. Муж тут же шел спать, а она часами убирала, мыла холодной водой посуду под рукомойником и иногда плакала. Нет, судьбу не проклинала – она была счастлива. Просто очень уставала, вот и все.

Именно тогда, в те первые годы их жизни, Аня сделала три аборта: «Какие дети, о чем ты? Нет, ничего и слышать об этом не желаю! В этом подвале? Ты спятила, Аня!» И она, поплакав, шла в поликлинику за направлением в больницу. После последнего, третьего, больше ни разу не забеременела. «Ну, значит так, – отплакав, решила она. – У меня есть ребенок, мой муж. И мне этого вполне достаточно».

Карьера Игоря сложилась удачно – правда, помог в этом ему все же Народный, то есть отец и свекор. Как? Да очень просто – на свою персональную выставку пригласил сына. И все, дело сделано. Тут же подоспела парочка статей – династия, Игорь Березкин и Сергей Березкин. Игорь Березкин – достойный продолжатель дела отца, ну и так далее. И новый поворот в судьбе – кто-то увидел в его масштабных полотнах театрально-киношное будущее и пригласил в театр художником-постановщиком. И у Игоря получилось. «У талантливого человека получается все! – с гордостью говорила Анна. – Все, за что он берется». После первой и очень удачной постановки Игоря Березкина стали приглашать во многие театры, а потом и в кино, к самым культовым и известным режиссерам.

Как же Аня гордилась своим мужем! Ну и он гордился собой. Правда, после признания и большого успеха он стал еще капризнее, еще требовательнее, еще нетерпимее к ее промахам.

Очень скоро появились деньги – следствие успеха. Через пять лет они построили трехкомнатную квартиру на Кропоткинской – вот уж счастье!

Правда, теперь мужа частенько не было дома – командировки, другие города, фестивали – ну, все понятно. Нервничала ли Аня, когда он уезжал? Пожалуй.

Только не давала этим мыслям ходу – тут же себя останавливала.

Конечно, понимала: там, в этой тусовке, полно молодых и красивых женщин – актрис, певиц, танцовщиц, да кого угодно.

Игорь никогда не предлагал ей поехать вместе с ним, но однажды она попросилась. Экспедиция – а это было большое, масштабное кино – была в интереснейшем месте, на Байкале. Как ей хотелось туда! Но муж с возмущением ее оборвал: «Не надо путать дом и работу, Аня! Там я работаю, а здесь я живу!»

Глупость какая: и режиссеры, и операторы, и актеры брали в экспедиции своих близких – и детей, и даже нянек и бабок, чтобы следить за ними.

Вот тогда и накрыли черные мысли: «Не хочет? А почему? Значит…»

«Нет, ничего это не значит! – уговаривала она себя. – Ни-че-го! Просто он такой человек». Но тревожные мысли не исчезали – чем бы она ему помешала? Да ничем! Уж с ее-то непритязательностью, скромностью и даже робостью, с ее вечным невмешательством и отсутствием любопытства, с ее неразговорчивостью… Но быстро себя уговорила – работа есть работа. Так, значит так. Но на душе было муторно.

В те дни, когда муж уезжал, часто приезжала Каринка – она и не скрывала, что не любит Березкина. За что? Да все понятно: «Захомутал тебя, подгреб под себя, дыхнуть не дает. Сделал из тебя рабу». «Рабу любви», – смеялась Аня. Каринка безнадежно махала рукой: «Что с тобой, с дурой, вообще говорить? Беда». «Я счастлива, Карин! Ты уж поверь, – отвечала Анна. – Ну зачем мне тебе врать, а?» «Ну значит, ты полная дура! – уверенно отвечала подруга. – Если тебе нравится это». И она обводила взглядом их жилище, имея в виду быт и вечные хозяйственные хлопоты.

«Совершенно верно! – радостно подхватывала Аня. – Моя жизнь – в нем, в Игоре! И я счастлива, что живу его жизнью. Что облегчаю ему эту жизнь. Что снимаю с него все бытовые хлопоты, разруливаю проблемы. У гения и должна быть такая жена! Ну вспомни литературу! Гении состоялись только при хороших женах! А при плохих… Он очень талантливый, Карка! Ты же сама это видишь и понимаешь. А то, что он сложный… Так кто из них, мужиков, простой? Только один рядовой, обычный, станет нервы мотать за просто так, просто так будет

выпендриваться. А мой… Сложный, но – необычный. И за это можно потерпеть его фокусы и тяжелый характер. Гению прощается все».

Каринка тяжело вздыхала и, не соглашаясь, качала головой: «Душечка! Ты просто чеховская Душечка. Хотя… Чему я удивляюсь? Можно было предположить. Только зря ты о себе забыла – ты ведь талантливая, Анька, а на себе поставила крест».

Каринка любила порассуждать о взаимоуважении и самоуважении, о партнерстве, о реализации личности.

Аня не перебивала ее, не останавливала – только кивала и при этом думала: «Ничего не понимает Карка! Ничего. Ну да ладно, полюбит – поймет. Где личные амбиции и призрачная карьера? И где – счастье? Смешно».

Личная жизнь Карины не складывалась: это было понятно и без задушевных разговоров – полная, безнадежная тишина. Зато успешно складывалась карьера – к тридцати годам она защитилась и начала преподавать.

В отсутствие мужа Анна иногда доставала мольберт и писала. По-прежнему лучше всего ей удавались цветы и птицы. Цветы – лохматые, как она их называла: астры, пионы, георгины. Получались они как живые – казалось, дотронешься и почувствуешь пальцем капельки росы, услышишь слабый аромат. А птицы – ну это вообще загадка. Ладно там всякие синички, сойки, трясогузки и снегири, которых полно в наших широтах. А вот откуда брались экзотические, тропические, редкие и заморские чудеса? Непонятно. Никогда она их не видела. А получались как живые – с блестящими перьями, трепетными крыльями, глянцевыми клювами и яркими бусинами глаз. Хищные и наглые чайки, гордые орлы и сапсаны, крохотные трепещущие колибри и носатые смешные туканы, важные павлины и забавные удоды, многоцветные, пестрые лорикеты и алые виргинские соловьи. Она доставала свою заветную любимую энциклопедию и часами могла рассматривать редких заморских, никогда не виданных птиц.

Перед приездом мужа картинки свои Анна прятала. Почему? Да сама не понимала – стеснялась. Но однажды не убрала – забыла. Просто поставила к стене у окна, под гардины. А Игорь увидел. Аня навсегда запомнила его лицо – презрительную насмешку, даже брезгливость.

– Так скоро и до ворон дойдешь! – безжалостно бросил он и недовольно мотнул головой.

Вот тогда все и закончилось – окончательно. Она убрала свои причиндалы далеко-далеко и запретила себе доставать. И вправду, зачем заниматься этой ерундой? У нее есть дела поважнее. У нее есть он, Игорь. Достаточно.

Одиночество Аню не тяготило – если бы не грустные мысли. В отсутствие мужа она расслаблялась, много читала, ходила в кино, в театры, на выставки. Да и дом – а теперь у них был дом – требовал внимания и заботы. Нужно было доставать мебель, ткань на шторы, посуду и все прочее, что превращает обычную квартиру в уютную и красивую.

Правда, пару раз она еще поймала себя на мысли, что хочется достать бумагу и карандаши. Но она почему-то испугалась этого и крамольные мысли прогнала – не дай бог. Почувствовала себя воровкой.

Муж приезжал из командировок усталый, замученный и раздраженный. Анна с разговорами не лезла: отдохнет – расскажет, а нет – так и суда нет. Может быть, у него неприятности. Игорь делился с ней нечасто – только под хорошее настроение, но такое бывало довольно редко. Она видела, что часто раздражает его, и не обижалась – просто тихо уходила к себе. Теперь, по счастью, у нее была своя комната.

Однажды заговорила с мужем о ребенке: «Может, обратимся к врачу?» Он удивился и нахмурился: «Тебе это надо? – И, не дожидаясь ответа, сказал: – Мне – нет. Мне и так хорошо, Аня. Потребности в детях я не ощущаю. И никакой тоски у меня нет. Мы живем своей жизнью, и мне кажется, мы с тобой вполне ею довольны и даже счастливы. Или я что-то не понимаю? Тогда объясни».

А она, дурочка, растаяла от этих слов, выхватив из всего ряда только одно: «Мы с тобой счастливы». Значит, он все-таки любит ее, раз счастлив с ней и никто третий ему не нужен?

Все, тема закрыта. У него – работа, у нее – он. Живут же люди и так. Тем более – с гением. А гении… У них все по-другому. К ним нельзя с обычными мерками.
И Анна успокоилась.

Тем временем Каринка готовилась к родам. Ничего себе, а? Сообщила об этом по телефону: «Да, кстати! Мне в феврале рожать! Давай махнем в Ленинград, а? Пока я еще хоть как-то передвигаюсь».

Обалдевшая Аня выдавила из себя тихое «да».

В Ленинграде мотались по музеям, жили у каких-то знакомых Айвазянов, уставали до чертиков и, придя домой, тут же валились спать. Аня не задавала вопросов – кто он? Кто отец будущего ребенка? И почему, собственно, так, в одиночестве?

Как-то Карина небрежно обмолвилась сама – так, между прочим: «Он – мой коллега, женат, развестись обещает, но я, как ты понимаешь, реалист и сюрпризов от природы не жду. Как будет, так и будет. В конце концов, рожаю я для себя. Ребенок нужен мне, точка. Поднять мне его помогут, ты же понимаешь. Есть бабушка, мать. Нянька, в конце концов. Справимся. Главное – чтобы он был! А муж – так он мне и не нужен. Я не ты, Ань! Чтобы хвостом ходить за кем-то и о себе не помнить. Ты меня знаешь».

Аня не обижалась – все правильно. Каринка не такая, как она. Та никогда бы не смогла жить чужой жизнью и никогда не смогла бы похоронить себя под бременем чужого таланта. Она сама по себе. И еще она смелая, не то что трусиха Аня. Так было всегда – что тут нового, чему удивляться?

Удивляться было нечему, а вот зауважала Аня подругу еще сильнее – на все человеку наплевать, и на общественное мнение в первую очередь. Ведь наверняка на кафедре все знают о ее романе. Не исключено, что слухи дойдут и до жены этого дяденьки-профессора. Вполне возможны неприятности для Каринки. А ей по барабану! Плевать и на коллег, и на трусливого папашу, и на своих студентов, и даже на собственную родню. Захотела ребенка – пожалуйста! И вправду, что ждать милостей от природы? Возьмут замуж – не возьмут, уйдет профессор от жены или нет – почему надо строить свою жизнь в зависимости от чужого мнения, ситуации и обстоятельств? Это ее личное дело – ее ребенок. Она ни на кого не рассчитывает и готова отвечать за него. Отвечать – вот это главное. А кто отвечает – тот и принимает решения. Да и в материальном плане Карина была вполне независима – зарабатывала она прекрасно.

И в который раз Аня подумала, какие они с подругой разные. Небо и земля. Лето и зима. Вода и камень. Но ближе Каринки у нее никого не было. И у Каринки, кажется, тоже – очень хотелось так думать. И еще при взгляде на подругин округлившийся животик мелькнула мысль – а может, зря? Зря она тогда послушалась Игоря. Нет, не про аборты речь – что об этом теперь говорить? Про врачей. Может, стоило пойти и попробовать? Медицина продвинулась вперед, есть новые технологии. Да и окончательный безнадежный диагноз ей никто никогда не выносил.

Но мысль эту тут же прогнала – у всех своя жизнь и своя судьба. Не все одинаково сильны духом. Не все способны на поступки. Не все так решительны. Не все могут идти вопреки. И не у всех мужья – гении! Это уж точно.

Каринка родила мальчика. Да такого красавца! Тогда все шутили, что она смело может зарабатывать на младенце – готовая реклама детского питания. Смуглый, румяный и синеглазый, с огромными мохнатыми ресницами, он и вправду был прекрасен, этот мальчик. Конечно, моментально жизнь семьи закрутилась вокруг красавца ребенка – прабабушка Нина, бабушка Нуне и дед Аветис. А через три месяца Каринка вышла на работу – дела не ждали, начинались приемные экзамены. Нашлась и няня – родственница из Еревана. Дом по-прежнему оставался шумным – гости не переводились, родня наезжала все так же часто и даже чаще – все жаждали потискать чудесного малыша. На кухне, как всегда, царили суета и разгром – пеклось, жарилось и варилось. Входная дверь, как и прежде, не закрывалась.

Каринка тогда впервые пожаловалась подруге – устала. На работе суета, да и дома не отдохнешь. И однажды, приехав к Ане, тут же рухнула на диван и блаженно закрыла глаза: «Как у тебя хорошо, господи! Чисто и тихо».

Игоря Березкина по-прежнему рвали на части – провинциальные и столичные театры мечтали получить его в качестве художника-постановщика. Он еще чаще отсутствовал и Анну по-прежнему с собой не брал. Но она уже и не просилась – привыкла. А вот Каринка не успокаивалась:

– Господи, и где он нашел такую дуру? Приезжает зачуханный, похудевший, с блестящими глазами – скорее всего, от бурной жизни. А тут эта дурочка варит ему отварчики и отпаивает бульончиками – красота! Вьется вокруг, как бабочка,

крыльями хлопает. «Игоречек! То или се? Или, может, это?» А этот милый Игоречек лежит с великомученическим взглядом на диване и складывает губки скобочкой: «Ах, я устал! Как я устал!» А от чего, спрашивается, ты устал? От работы? Ну не знаю – молодой и здоровый мужик. Может, от возлияний и еще кое от чего?

– Для чего ты мне все это говоришь? – обижалась Анна. – Чтобы испортить мне настроение?

Каринка мотала кудрявой головой:

– Нет, моя дорогая. Исключительно для того, чтобы ты очнулась. Проснулась наконец и зажила своей жизнью. Не его, а своей, понимаешь?

– Как это – своей? – переспрашивала растерянная Аня. – У нас одна жизнь, общая. Одна на двоих!

– Ты совсем дура? – распалялась подруга. – Это у него жизнь! Работа, встречи, поездки, знакомства. Люди вокруг, общение. А у тебя – прозябание! Одно сплошное прозябание у тебя! И самое ужасное, что тебе это нравится! Тебе так тепло в твоем привычном болоте, что ты и нос высунуть боишься. Боишься нарушить свой призрачный, зыбкий покой. А он не побоится, не сомневайся. Как только захочет, выкинет тебя за борт и тю-тю, поминай как звали! Забудет тебя в ту же минуту. И заслуги твои забудет – как не было!

Аня обижалась и принималась плакать. Зачем так жестоко? Нет, она понимала: подруга говорит из лучших побуждений. Успокоившись, мысленно соглашалась с ней – муж давно живет своей жизнью. Своей. А она – его жизнью. Она и вправду его прислуга, тень. И ему так удобно – в любое время, как только он явится, в доме чисто и вкусно, выстирано и выглажено. Тихо и благостно. Ни одного вопроса, ни одной претензии. Не жена – подарок судьбы.

Каринка настаивала, чтобы Аня снова взялась за рисунки, пошла работать – хоть в школу, хоть в кружок, куда угодно, лишь бы занять себя, вспомнить профессию, оторваться от кастрюль и утюга. «Ты ведь талантливая, Анька! И так бросить свою жизнь ему под ноги!»

Родители старели и болели – из молодых стариков они превратились в стариков обычных. В их жизни ничего не изменилось – только раньше они ходили на работу, а сейчас перестали. На подоконниках, тумбочках и столах стояли вечные пузырьки с лекарствами – казалось, они так упоенно и увлеченно болели, что получали от этого удовольствие. Стопками собирались журналы и брошюры о болезнях и лекарствах. Приобретались какие-то магические камни для очищения воды, магнитные браслеты, пирамидки из неизвестных металлов, лечебные грибы страшного вида и прочая шарлатанская атрибутика, от которой Анна приходила в бешенство.

– Прекращайте заниматься этой ерундой! – кричала она. – Идите гулять, езжайте в санаторий, на море, наконец! Покупайте фрукты и вкусности! Получайте от жизни радость и удовольствие!

Родители отмахивались и обижались. А Каринка, услышав ее жалобы, рассмеялась:

– Кто бы учил, а? Ты? Это ты учишь получать от жизни удовольствие? Самой не смешно?

– У меня – другое, – обижалась Анна.

Каринка отступала:

– Что с тебя взять? Любая другая – не такая дура, конечно, – завела бы на твоем месте любовника. Хотя бы любовника! Но это не ты. Подумай – твоего Березкина, чтоб ему, никогда не бывает дома – не муж, а капитан дальнего плавания. И кто бы растерялся на твоем месте? Ты носишься со своей верностью и преданностью как с писаной торбой. А кому она нужна, твоя верность? Вот ты подумай! С чем ты останешься на старости лет? А годы, моя милая – сама знаешь. Нам уже к сорока. И сколько осталось? Ты не подумала? А вспомнить и нечего.

Аня возмущалась и обижалась – предложить ей такое! Любовник! Смешно! Она так любит Игоря, своего мужа. А сколько осталось? Нет, не думала она об этом. Да и зачем?

Но часто плакала по ночам. Каринка права – она совсем одинока и никому не нужна. Чистая правда. Конечно, теперь ее любовь к мужу стала немного другой

– они отвыкали друг от друга, физической близости почти не было, а душевной… Наверное, не было никогда. И все-таки он родной человек. Но изменить свою жизнь казалось ей невозможным – она дочь своих родителей, Каринка права.

Однажды все же решилась – взяла путевку и уехала на море, в Ялту. Муж, кстати, не возражал. А она и не ждала возражений – понимала, ему наплевать.

Осенняя Ялта была прекрасна. Анна бродила по набережной, сидела в кафе, любовалась на горы и море. Вот там, в кафе, к ней и подсел немолодой и приятный мужчина:

– Не помешаю?

Она вздрогнула и покраснела, как первоклассница.

Разговорились, вместе пошли по набережной.

Он сдержанно рассказывал о себе – женат, есть дочь, ленинградец, инженер на Кировском заводе. Проводил до места и предложил встретиться на следующий день. Анна растерялась и, наверное, выглядела глупо:

– Встретиться? А зачем?

Он рассмеялся:

– Да скоротать время! У нас, отдыхающих, его же полно!

Она растерянно кивнула.

Весь следующий день ходила сама не своя, без конца повторяя: «Зачем? Зачем мне все это надо?»

Приближалось время свидания. Анна неотрывно смотрела на часы и тряслась как осиновый лист.

А в результате никуда не пошла. Ночью ругала себя: «Каринка права, я идиотка. Ну что бы от меня, убыло, что ли? Сходили бы в кино, или просто прошлись по набережной, или посидели бы в кафе. Ну не изнасиловал бы он меня, в конце концов, посреди улицы! Почувствовала бы себя женщиной, а не никому не нужной кухаркой, прачкой и вечной утирательницей соплей». А потом подумала: «И что дальше? Ну на следующий день? Снова в кино? А зачем ему это надо? Наверняка ему нужна короткая и легкая связь – курортный роман, мужики и едут сюда за этим. А мне роман ни к чему. Значит, я все сделала правильно». И, уговорив себя, она крепко уснула.

Кстати, спустя неделю встретила этого инженера на улице – под ручку с дамой. Увидев Анну, он ухмыльнулся, а она облегченно выдохнула – значит, все правильно! Ему все равно – она ли, другая, какая разница? Умница она, умница, сразу его раскусила.

Но почему-то после этой встречи ей вдруг захотелось домой.

Каринка много работала – дед Аветис совсем сдал, бабушка Нина держалась из последних сил, а Нуне… Нуне тяжело заболела. Все обошлось, вовремя подхватились, удачно и быстро сделали операцию, прогнозы врачей обнадеживали. Только кормильцем теперь стала Каринка. По ночам писала за деньги диссертации, «диссеры», как она говорила. А что, отличный заработок.

– Все ползу, жирею – вздыхала она. – А как не жиреть? Ночью начинается: кофе, бутерброд, снова кофе, конфета. И опять бутерброд. Иначе усну.

Она и вправду здорово раздалась, а ее яркая южная красота начала увядать.

А вот Аня стала еще суше – годы не брали ее. Да и не рожавшая, она легко сохранила фигуру.

– Сзади пионерка, спереди пенсионерка! – смеялась Карина.

В сорок лет Каринка снова удивила весь мир, объявив о своей новой беременности. Услышав эту новость, Аня вскрикнула и тут же зажала рот ладонью:

– Карка, ты сумасшедшая! В сорок лет и снова без мужа? Нет, ты определенно свихнулась, подруга!

Каринка беспечно смеялась. И снова замуж не собиралась. Будущий папаша оказался ее аспирантом – приезжий парень двадцати восьми лет. Ну, каково? Он не отказывался от ребенка и с удовольствием бы женился на его матери. Но Каринка отмахнулась:

– Замуж? За этого младенца? Еще один рот, о чем ты? Притащить его в дом и повесить себе на шею? Нет уж, спасибо, хватит с меня нахлебников. Сама знаешь – четыре рта. По-моему, достаточно.

Но на этот раз получилась двойня. Два парня. Вот такая ирония судьбы.

И снова прибыла родственница – теперь уже из Баку. А Каринка вышла на работу через полгода – разросшуюся семью надо было кормить.

Только теперь она похудела и перестала быть похожей на себя – ее подчас и не узнавали. Но она была счастлива:

– Три сына, понимаешь? Я же мать-героиня! Ох… Смех сквозь слезы, Анька! – И начинала смеяться, утирая слезы ладонью.

Аня кивала и соглашалась. И в который раз удивлялась Каринкиной стойкости и силе духа.

На пятилетии близнецов Нина Константиновна, оглядев внучку и ее подругу, подняла рюмку.

– Вот как получилось, – тихо сказала она. – И ты, Кара, и ты, Аня… – Она помолчала. – Не очень у вас сложилось, девочки. Не спорьте, не очень! – строго предотвратила она возражения. – Но как уж есть. И дай вам бог сил на все! Тебе, Кара, на детей и на работу. А тебе, Аня, тебе… Ну сама знаешь. Каждый выбирает свою судьбу, какая ему по душе. Вы выбрали свои – и бог вам судья! Только, девочки, будьте здоровы! Я вас умоляю!

Через полгода после этого дня рождения Нина Константиновна ушла. А еще через три месяца ушел ее муж, Аветис Арамович. Не смог жить без любимой Ниночки – проплакал три месяца и отправился следом.

Старший сын Каринки Сашенька вырос умницей и остался все таким же красавцем – лучший мамин дружок. А близнецы задавали жару – когда тебе за сорок, сложновато уже с пацанами. Но Каринка держалась. И мальчишек держала в ежовых рукавицах. Хулиганистые получились парни, но хорошие – умненькие, добрые и понятливые. И все дружно обожали свою шумную мать.

Нуне Аветисовна держалась, но давала о себе знать болезнь, куда денешься. И мальчишки, все трое, теперь, в отсутствие вечно работающей матери, терпеливо, нежно и трепетно ухаживали за бабушкой. В сорок шесть Кара стала деканом.

«Главное, чтобы все функционировало – руки, ноги и голова, – говорила Каринка. – А дальше все будет нормально».

Мальчишки ее могли приготовить ужин, убрать квартиру, погладить рубашки, сходить в магазин.

«И как это ей удалось, – думала Аня, – не понимаю! Ее же никогда не бывает дома – какое там воспитание? Да и сил у нее на него нет, на воспитание это. Гениальная женщина – моя подруга. Нет, правда ведь гений!»

Примерно в то же время овдовел бывший Каринкин любовник – отец ее первого сына Сашеньки. И тут же нарисовался в Каринкиной квартире, изображая горькое раскаяние и пылкую любовь к обоим – а уж к сыну, красавцу и умнице, особенно.

Каринка только посмеивалась – ага, спохватился! А уж когда «старый пень», по ее же определению, предложил ей руку и сердце, вообще залилась громким девичьим хохотом. А чуть позже – бурной, но справедливой тирадой:

– Очнулся? Прозрел? Вспомнил о сыне? И меня, как выясняется, не забывал? А где ты был, дорогой, все эти годы? Ты думаешь, я забыла, как ты под стол прятался, когда я заходила на кафедру? Как боялся столкнуться со мной в коридоре? Как прятал глаза, если мы встречались в столовой? Память подводит?

А вот меня – нет! Вали отсюда подобру-поздорову! И чтобы больше – ни-ни!

Профессор испарился, как корова языком слизала.

А возмущенную мать успокаивали дети. И больше всех – старший, Сашенька. Объявившийся папаша был ему неинтересен – в его жизни всегда была одна мать – любимая, самая мудрая.

Кстати, отец близнецов, тот самый жалкий и нищий аспирантик, поначалу детей навещал. А потом пропал – женился, завел законных детей и, кажется, вообще из Москвы уехал – такие ходили слухи.

– Я никогда на них не рассчитывала, – говорила Карина, гордо откинув все еще красивую, хотя и уже седую голову. – Никогда! Я всегда рассчитывала только на себя. Поэтому и детей родила для себя.

И ей было чем гордиться, кто спорит?

Трое детей и ни одного мужа. Один муж на всю жизнь и… Страх родить от него, законного. Странно, не правда ли? Но уж… как есть.

Анины родители умерли совсем не старыми людьми – ну если по возрасту. Чуть за семьдесят. Сначала ушел отец, а вскоре и мама. На отцовых похоронах было совсем мало народу – две соседки и Каринка с мальчишками. Три красавца, три знойных, чернокудрых и светлоглазых красавца, Каринкины парни, несли гроб с Аниным отцом – Березкина, как обычно, в Москве не было – кажется, работал тогда он в Улан-Удэ. Правда, отбил телеграмму: «Аня, прости, не могу, через неделю выпуск, премьера, а у нас – полный завал. Катастрофа. Прими соболезнования. Игорь». На маминых похоронах его тоже не было, Аня и не помнит, куда он уехал в тот раз и почему не смог приехать. И опять Каринины сыновья несли гроб, и опять ее было некому поддержать – в такие трудные дни и без мужа. Соломенная вдова, Каринка права. Они с Игорем чужие, совсем чужие люди. И зачем? Зачем это все нужно? Когда давно ничего уже нет. Давно. Давно нет семьи – как бы она ни уговаривала себя, как бы ни врала, как бы ни утешала. Ничего уже нет, кроме ее любви. Нет даже памяти. Все давно уже стерлось, как на переводной картинке: потрешь и – ничего. Одна труха на подушечке, стряхнул – и нет и следа.

У Каринки работа. Дети. Жизнь. А у Анны? У нее ничего. Пустота. Одна гулкая и звенящая пустота. Она совсем раскисла после смерти родителей. Они не были ей близкими людьми, но с их уходом она окончательно поняла: одна. Одна на всем белом свете. Каринка не в счет, у нее своя жизнь, и жизнь далеко не простая.

Как-то в декабре, когда до Нового года оставалось дней двенадцать, она сидела напротив мужа, который только вернулся из очередной поездки и с аппетитом обедал – ел мясо.

– Березкин! – вдруг сказала Анна. – А давай разведемся!

– Зачем? – удивился он, не переставая жевать.

– А зачем нам все это надо? – спросила она, обведя взглядом их красивую кухню.

– Лично меня все устраивает, – отрезал Игорь. – И тебя, я думаю, тоже. Не рефлексируй, живи как жила.

– А если я не хочу? – отчаянно закричала она. – Если мне надоело? Надоело ждать тебя, чувствовать, как от тебя пахнет чужими бабами! Зачем мне такая жизнь? Закрывать за тобой дверь и снова оставаться одной? Ты же… – Она задохнулась от своего горя. – Ты же сломал мою жизнь! Заставил меня сидеть дома и прислуживать тебе. А я, между прочим, – она разрыдалась, – тоже была талантлива! И если по-честному, ничуть не меньше тебя! Просто тебе повезло – у тебя был отец. И в ту же минуту ты заткнул меня, упрятал в чулан. Как же, талант у нас ты! А мне не положено. Ты даже не дал мне родить ребенка – отправлял на аборты, только бы никто не нарушил твой комфорт. И с чем я осталась? Ответь, Игорь! Ты видишь, во что превратилась моя жизнь?

– Все не так, Аня! – спокойно ответил он. – Все личный выбор каждого. И эта жизнь – твой выбор. Дети, говоришь? А зачем ты меня тогда послушала? Наплевала бы, в конце концов. Устроила скандал. Взяла бы и родила! А работа? Почему ты не работала, Аня? Я тебе запрещал? А ты бы возразила! Послала бы меня куда подальше! Наорала, разругалась бы в пух и прах. Ушла бы от меня, на крайний случай! Ан нет – ты все принимала! А знаешь почему? Да потому, что тебе так было удобно. Прожила, как за каменной стеной, а сейчас ищешь виноватого. Нельзя ни под кого прогибаться, Аня. Знаешь, как в песне: «Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять». Жаль, что ты так и не

поняла этого. И кстати! Сделай мне чаю! Если это еще не совсем противоречит, так сказать! – Он усмехнулся.

– Я разведусь с тобой, Березкин! – тихо сказала она пристально, словно впервые разглядывая его. – Разведусь и начну новую жизнь.

Он кивнул, вытер салфеткой руки и перед тем, как выйти из кухни, обернулся:

– А чай, дорогая, я все-таки жду, не обессудь.

От бессилия Анна разрыдалась.

На Новый год Березкин не остался, коротко бросил:

– Я уезжаю. Дела.

Она ничего не спросила – теперь все было окончательно ясно. Раньше он еще хоть как-то соблюдал приличия. А теперь перестал. Конечно, у него давно другая семья. Вполне возможно, там дети. Это у нее никого нет. Никого и ничего. Вот такой итог.

Она, как ей казалось, была настроена решительно и пыла не растеряла – сходила к юристу, проконсультировалась по поводу развода.

Каринка не удивилась:

– А, собралась? Долго же ты собиралась. Ну что ж, в добрый путь! Только видится мне…

– Что? – испугалась Анна.

– Да так, ерунда. А ты подумала, на что будешь жить? Он же попрет тебя из квартиры. Как пить дать попрет! Куда ему новую жену привести? А привести надо – один он не сможет. Привык, чтобы все подавали на блюдечке. А деньги? Ты же привыкла к хорошей жизни. Ты давно забыла, что такое «мало» или «не хватает».

– Наплевать, – отмахнулась Аня. – И на квартиру наплевать, и на деньги! Квартира у меня есть – родительская. А деньги… На хлеб себе заработаю. И на кефир тоже. Я не обжора, ты знаешь. Ем как воробей. А тряпок у меня – на три жизни хватит. Все, Кар! Я решила. И ты меня не отговаривай.

– А я и не думала тебя отговаривать, – удивилась Карина и странно посмотрела на подругу, словно не веря тому, что она правда решилась.

Хотелось сделать все красиво, по-киношному, например, написать ему письмо: «Игорь, ты напрасно думал, что мое намерение развестись – всего лишь угроза. Ты всю жизнь считал, что я твоя тень, что я – никто. Что ни гордости, ни человеческого достоинства у меня нет. Ты был прав, но и заблуждался! Все было так, но все изменилось. Я решила – я от тебя ухожу. И мне ничего от тебя не надо – ни квартиры, ни денег. И не потому, что я такая гордая или такая дура. Нет. Я просто хочу попробовать сама. Смогу ли я? Я хочу доказать это себе – в первую очередь. Ну а потом всем остальным. Впрочем, остальные меня не очень волнуют. Карина, единственный близкий мне человек, любит и принимает меня любой. А тебе давно на меня наплевать. Я это вижу и знаю. Да ты и не особенно это скрываешь. В общем, я попробую. Будь здоров и счастлив. Я тебя за все простила. Я не простила себя.

А ты ведь во многом был прав! Аня».

Письмо было написано, перечитано тысячу раз и сто раз исправлено.

Далее план был таков: собрать только личные вещи – и все. Никаких там вазочек, тарелочек, картинок и прочего – не забирать. И уйти. С одним, так сказать, чемоданом. Ну или с тремя – тряпок, конечно… Кошмар. Сколько же барахла накопилось!

– Так и уйдешь? – удивилась Карина. – Всё ему, а ты ни с чем? Не горячись, подруга. В конце концов, ты заслужила.

– Что заслужила? – рассмеялась Аня. – Да, так и уйду, и ничего мне не надо. Понимаешь, если я останусь в этой квартире или заберу все барахло, у меня ничего не получится. Я это чувствую.

– А квартира-то при чем? Ты же ее так любила!

– При чем тут квартира? Вот именно – ни при чем!

Анна съездила в квартиру родителей. Да… странное зрелище. И кошмарный, невыветривающийся запах – запах болезни и лекарств. Казалось, корвалолом пропахла не только квартира, но и несчастный серый и грязный, убогий подъезд. Вытертые верблюжьи одеяла – Аня их помнила с детства. Штопаные пододеяльники и простыни. Кастрюльки с отбитой эмалью. Чашки со сколами. Старые крупы, пахнувшие плесенью. Затхлость и убогость – нищета умеет быть опрятной, а вот скупость…

«Господи, как они прожили жизнь! – с отчаянием думала Анна, бродя по квартире. – А я? Да я прожила ее так же, только в другом антураже. Дочь своих родителей. Нищая духом».

Но в руки себя взяла и сквозь слезы принялась за уборку. Вечером пришел Каринкин Сашенька и помог отнести на помойку пластиковые мешки с барахлом.

Ночевала у Каринки. Одно счастье – теперь они снова были рядом, окна напротив! «Да только ради одного этого стоило уйти от мужа!» – шутила Анна. И все-таки было грустно. Как странно развернулась жизнь – она снова на прежнем месте и с теми же исходными данными. Нет, не с теми же – тогда вся жизнь была впереди. А сейчас… «Сейчас я старуха, – думала Анна. – Нет, не внешне! Внешне я вполне ничего – в душе я старуха. Рухлядь, если по-честному».

Хотелось переехать побыстрее, пока не заявился Березкин. Но тут вмешалась Каринка. Уговорила на ремонт и даже нашла двух молдаван для этого дела. Аргументировала просто и ясно:

– Пока есть деньги, жить в этой убогости я тебе не позволю. Ты все еще его жена – бери семейные деньги, и вперед! Трать от души – новый холодильник, новая плита, телевизор и кровать – в конце концов, будешь жить по-человечески, по крайней мере начнешь свою новую жизнь в более-менее человеческих условиях.

Не согласиться с этим было сложно. Плитку и обои помог купить все тот же безотказный Саша. Он и возил ее в магазины. Анна не выбирала, брала то, что

попадалось – торопилась. Не дай бог не успеть! Приедет Березкин, и неизвестно, как все повернется. Вдруг начнет уговаривать, и у нее, как всегда, не хватит сил противостоять. Пожалуй, этого она боялась больше всего.

Рабочие трудились справно – а главное, быстро. На качество Анне было решительно наплевать. Главное – поскорее переехать. Она уже потихоньку завозила вещи и подкупала посуду, как вдруг ей позвонили. Было совсем поздно, кажется, полдвенадцатого ночи – она точно не запомнила. Низкий мужской голос уточнил:

– Вы Анна Березкина?

Она испугалась и тихо ответила:

– Да.

Горло перехватило от страха. Мужчина молчал и тихо покашливал.

– Что-то случилось? – просипела она.

Незнакомец громко выдохнул, набираясь решительности, и выпалил:

– Вы только не волнуйтесь! В смысле – держитесь! Ваш муж, Игорь Березкин… он… умер.

– Как? – спросила она. – Как это – умер? Когда?

Мужчина немного воспрянул, оживился:

– Сегодня. В два часа дня. Острый инфаркт.

Анна недослушала и положила трубку. Замерла над телефоном, не понимая, что делать дальше. Спустя часа полтора она позвонила Карине.

– Умер Игорь, – сказала она. – Что мне делать, Кара?

Через полчаса на пороге ее квартиры стояли Каринка и Саша. В семь утра Саша набрал тот ночной номер. Анна слышала, как он говорит с кем-то на кухне – тихо и внятно, задавая короткие вопросы. Карина гремела на кухне посудой. Анна поднялась и, как больная, держась за стенку рукой, добрела до кухни. Оба, и мать, и сын, с тревогой разглядывали ее, вопросов не задавали – Каринка молча налила ей крепкий кофе и положила на блюдце бутерброд.

– Ешь! Впереди трудные дни. Надо поесть.

Анна отодвинула блюдце и только тогда разрыдалась. В этот момент до нее дошло – ее Игоря больше нет. И прежней жизни – пусть калечной, нечестной и неудачной – тоже. Ничего больше нет. Вообще.

Саша вышел из кухни, оставив подруг наедине. Анна захлебывалась слезами, а Карина просто сидела рядом и гладила ее по голове:

– Ну поплачь, поплачь! Дело хорошее. В конце концов, ты же не по нему плачешь, Анечка, а по прежней жизни. По молодости вашей. По любви. Вот и поплачь.

– И по нему – тоже, – громко всхлипнув, прошептала Анна.

Карина не возразила.

– А как же! И по нему! Ну, разумеется, и по нему – кто же спорит?

Одному Карина точно обрадовалась – какое счастье, что дурочка Анька не успела уйти из их общей с Березкиным квартиры, а это означает, что никто не попросит ее отсюда уйти. И счет в банке и что там еще тоже наследует она, законная вдова. А Березкин… Карина его никогда не любила, но жалко мужика – пятьдесят четыре года, что говорить.

Саша и Карина все взяли на себя, Анну к скорбным хлопотам не привлекали. Карина объявила:

– Похороны послезавтра, в Доме художника панихида, поминки там же, в ресторане.

– Поминки? – бесцветным голосом спросила Анна.

Саша почему-то глянул на мать и смутился. Карина отвела глаза и махнула рукой:

– Да все решат. Тебя привезут и увезут, всё. Ни о чем не беспокойся, иди отдыхай.

Это все было странно. Она – жена, вдова. И кто за нее все решит? Коллеги и товарищи Игоря? Ну, наверное, это нормально. Или не очень? Анна была так растеряна, что плохо соображала. Понимала одно – послезавтра она увидит Игоря в последний раз. А что будет дальше… Какая разница? Кажется, жизнь закончилась…

Карина от нее не отходила – пыталась кормить, давала какие-то таблетки – от нервов и для сна. Анна и вправду почти все время спала. Слава богу. Только так можно было пережить эти дни.

В день похорон она заметила, что и Саша, и Каринка страшно нервничают.

– Ребята, со мной все нормально, – пыталась успокоить их она, пошатываясь от слабости. – Я все выдержу и переживу, в конце концов… Я же собиралась от него уходить! – попыталась улыбнуться она.

Но улыбка вышла жалкой, кривой. Не улыбка – гримаса.

– Сядь, Ань! – вдруг твердо сказала Карина. – Сядь. Есть разговор.

Анна с удивлением посмотрела на подругу, потом на Сашу, который страшно смутился и быстро вышел из комнаты. Было видно, что Каринка нервничает.

Анна посмотрела на часы.

– Кар, что случилось? Кажется, уже случилось все, что могло! Или что-то еще? Кажется, хватит… сюрпризов?

Как оказалось – нет. То, что сказала Карина… Нет, невозможно! Хотя… Вполне даже возможно и вполне вероятно – какая же она дура, господи! Столько лет быть нелепой и наивной дурой! Нет, не так – идиоткой, полной кретинкой!

Карина говорила тихо и внятно, пытаясь донести до подруги то, что должна была донести.

– У Игоря твоего давно другая семья, и там двое детей. Да, двое – мальчик и девочка. Возраста их я не знаю, но дети совсем маленькие, кажется, дошкольники или младшие школьники. Баба эта, их мать, совсем молодая. Приезжая, кажется, костюмер или гример, что-то в этом роде. Какая нам разница? Дело не в этом. Да, все знали. Ну кто все? Его коллеги. Конечно, знали. Все вместе работали. И про детей знали, конечно! Да какая нам разница – знали, не знали. Дело не в ней. И уже не в нем. Дело в тебе! Потому что… Потому что она сегодня будет на похоронах. Нет, ты подожди, Анечка! – Карина, видя, что Аня вспыхнула, взяла ее за руку. – Это нормально. Да, и я так считаю! Ты не согласна? Господи, да кто спрашивает его, твое согласие? Так бывает. Да, две вдовы. Она – мать его детей. Ты – его жена. А вдовы – две. Это жизнь, Аня. И тебе придется это пережить. Ты же не можешь не пойти туда? Ты никогда себе не простишь. Попрощаться же надо! Надо, Аня. В конце концов, она, эта девица, не виновата. В чем она виновата перед тобой? У нее тоже горе, и побольше, чем у тебя. Она осталась одна с двумя детьми.

– Ты предлагаешь ее пожалеть? – Ане казалось, что она сейчас задохнется от нового горя, от всего, что на нее обрушилось.

– Нет, я тебе это не предлагаю! – твердо ответила Карина.

– Но я не смогу, не смогу смотреть на нее. – Аня захлебывалась в слезах.

– А ты не смотри. Смотри на меня. Или – вообще в никуда. Но пойти надо. Надо, Аня. Пойти и проститься. А прощать или нет – это дело второе. Оставь прощение на потом. Что сейчас об этом?

– Но почему ты молчала? Почему сказала только сегодня?

– Не решалась. – Кара помолчала и добавила: – Тебя жалела. Себя. Все, все, Анечка! Давай одеваться. День сегодня тяжелый. Ужасный сегодня день. Но мы его переживем. А куда денемся? – Она принялась доставать из шкафа Анины вещи. – Так, надевай эту юбку и эту блузку. Да-да, черную. Не белую же. Все, вставай, моя дорогая. Пора. И вот, выпей, станет полегче. – Карина протянула ей таблетку.

В машине Анна уснула.

Тот день она помнила плохо – как будто на ней были очки с чужими диоптриями. Или в глаза насыпали песка. Все расплывалось, четкого фокуса не было, и краски казались почти не различимы – все выглядело серо-черным или бурым, грязно-коричневым.

Потом, когда она пыталась вспомнить этот ужасный день и разложить его по минутам или хотя бы по часам, то вспоминала немногое: вот Сашенька осторожно и бережно выводит ее из машины. Каринка рядом – поправляет на ней платок. Зачем ей платок, зачем? Сроду она не носила никаких платков! Она и сейчас срывает его – темный чужой платок – и бросает на пол. Но Каринка поднимает его и засовывает в свой карман, приговаривая:

– Не хочешь – не надо, Анечка! Только не нервничай.

Помнит полутемный зал, приглушенную музыку – кажется, знакомую. Бах? Или Бетховен? Она не могла вспомнить и начала нервничать – как же так, такая знакомая мелодия! В центре зала – гроб на постаменте. Блестит, сверкает даже – черный лак, какая глупость! А, это преломляется свет! Она подняла голову и увидела огромные старые люстры – такие большие и тяжелые, что стало страшно: не дай бог, рухнут! Что тогда будет? Господи, да всех накроет и раздавит! Какой кошмар!

Ей стало тревожно и зябко, и она повела плечами и испуганно посмотрела по сторонам – Карина, Сашенька? Они, слава богу, здесь – Саша стоит у нее за спиной, а Каринка? А, вот она! Разговаривает с каким-то мужчиной. Шепчет ему что-то на ухо, не сводя с нее глаз.

Кто это – ее давний знакомый? Вообще народу прилично. Даже много. Зачем они здесь, почему? Все в черном или темном, переглядываются, тихо переговариваются, разглядывая ее.

Да наплевать. Пусть смотрят. Ей совершенно на все и на всех наплевать. Господи, для чего она здесь? Гроб… Да, это похороны. Только – чьи? Она прищуривается и пытается разглядеть фотографию, что стоит в изголовье гроба. Игорь? Господи, как же похож на ее Игоря! Брат? Нет, у него не было брата. У него есть сестра, Мария, Маша. Она хорошая, но Аня так давно ее не видела – она же уехала, да? Надо будет спросить у Игоря – где его Маша? Господи, что за ужасные таблетки дала Каринка – все плывет, качается, словно в шторм на корабле.

«Как мне плохо!» – мелькнуло в голове.

Вокруг гроба, в центре зала, полукругом стоят стулья – в три ряда. Партер. Каринка помахала им, и Сашенька бережно взял Анну под локоть.

– Куда? – беспомощно пробормотала она. – Куда, Сашенька? Мы уходим? Ой, слава богу! А то я очень замерзла.

Но Саша привел ее к этому полукругу из стульев и усадил на один из них. Растерянная, очень испуганная, Аня вдруг закричала:

– Карина! Кара! Иди ко мне!

Карина быстро подошла, села рядом и крепко, очень крепко, до боли, сжала ее руку. Анна попыталась вырваться, ей стало до слез обидно, до чего же Каринка грубая.

Но руку Каринка ее не отпустила, зашептала:

– Тихо, тихо, Анечка! Скоро все кончится, все пройдет. Ты только не нервничай, а? Все ведь проходит, правда? И это, господи, мы с тобой переживем…

Справа от нее – Сашенька, слева – Каринка. Ну ладно, что она так нервничает? А, очень болит голова. Очень. Давно так не болела. И знобит, очень знобит, просто

зуб на зуб не попадает. «Господи, да, наверное, я заболела! Конечно, заболела – вот и причина нашлась! Сейчас зима, холодно. Грипп. Конечно, самое время для гриппа! Вот и я подцепила. Только – где? Кажется, я несколько дней не выходила из дома».

Подходят какие-то люди и, слегка наклоняясь, что-то ей говорят.

– Что? – переспрашивает она. – Что-что? Простите?

На нее странно и удивленно смотрят – наверное, из-за температуры у нее пылает лицо, и она кошмарно выглядит. Какой-то женщине, крупной блондинке, совсем незнакомой, она пытается это объяснить. Но и эта блондинка смотрит на нее странно и тут же переводит вопросительный взгляд на Каринку. Ну и черт с ней, с блондинкой.

– Кара, пойдем домой! – шепчет она подруге. – Мне плохо, я заболела! Очень болит голова!

Каринка снова гладит ее по руке.

– Потерпи, Анечка! Скоро все кончится.

Что кончится? И зачем она здесь?

Какой-то приземистый мужичок в черном шарфе вокруг горла – смутно знакомый? – ведет под руку женщину. Женщина молода, худощава и одета в черное узкое платье, подчеркивающее ее красивую фигуру. На голове у нее черная легкая косынка и большие черные очки от солнца. Зачем ей очки – здесь же и так темно. Из-под косынки выбились светлые, золотистые волосы. Красивые. Вообще она, кажется, очень красива, эта молодая женщина в узком шелковом платье. За руку она держит девочку лет пяти – беленькую, перепуганную, заплаканную. А чуть поодаль блондинки с девочкой идет мальчик – красивый, очень красивый мальчик-подросток. Ему лет двенадцать или чуть меньше. У мальчика густые русые волосы, смуглая кожа и темные глаза. «Какой красивый мальчик!» – думает Анна.

Блондинка с девочкой смотрит на нее не отрываясь. Или – на Кару? Впрочем, что там видно, за солнцезащитными очками? Ничего.

На несколько секунд их взгляды встречаются. Но тут мужичок в шарфе усаживает блондинку и девочку на соседние стулья. Туда же садится русоголовый красивый мальчик. Блондинка опускает голову и мелко вздрагивает, трясется. «Плачет», – догадывается Аня.

Каринка снова до боли сжимает ее руку.

А потом начинаются речи – сбоку от гроба становятся люди и по очереди начинают что-то говорить. Говорят они негромко, музыка продолжает играть, и Анне почти ничего не слышно. Она напрягает слух и улавливает знакомое имя – Игорь. Игорь Березкин. Ее муж. Говорят о нем? Того, кто лежит в гробу, ей не видно – дорогой гроб глубок и завален цветами.

Очередь из говорящих все не кончается – люди прибывают и прибывают. К Анне подходят, жмут ее холодную руку, кто-то гладит ее по плечу, кто-то проводит по ее волосам. А кто-то просто что-то говорит – отрывисто, непонятно. Музыка, речи. Озноб. Голова. Боже, как плохо!

Подходят и к блондинке с детьми – тоже жмут руку, гладят по плечу, по волосам. Наклоняются, что-то шепчут. «При чем тут она?» – недоумевает Анна. Гладят по голове и белокурую девочку, красивому мальчику пожимают руку. Он очень смущен, сидит, не поднимая головы, и его смуглое лицо расцвечивают вспыхивающие красные пятна.

Девочка капризничает, она явно устала и, наверное, хочет спать. Она начинает плакать, и все оборачиваются на нее. Блондинка девочку не успокаивает – странно. Сидит, как сидела, уронив голову на грудь.

– Как ты? – шепчет Анне Карина. – Потерпи, скоро все закончится! Немного осталось.

– И мы поедем домой? – громко говорит Анна. – Домой? Я очень хочу домой, Кара! – почти кричит она.

Она слышит себя, и ей становится неловко – ведет себя как малое дитя!

– Кара, прости! Конечно, я потерплю!

Но тут Каринка и Сашенька берут ее под руки и поднимают со стула.

– Идем, милая! – шепчет подруга. – Надо идти!

Анна встает и чувствует, как кружится голова – да, это грипп! Теперь все понятно. Она пошатывается, как пьяная, и, слава богу, ее крепко держат с обеих сторон Сашенька и Каринка.

– Всего десять шагов, – шепчет Кара и подводит ее к блестящему гробу.

Анна смотрит туда и видит Игоря. Игоря? Ее Игоря? Значит, это он в гробу, ее муж? А почему ей ничего не сказали? Игорь умер? Ах да! Это она забыла, она! Но как она могла об этом забыть? Уколы, таблетки. «Скорая». Молодой врач в голубых джинсах и красном свитере под белым халатом – она помнит его. Укол. Да, он не соврал – больно не было. И она уснула. Почти сразу уснула, как он ушел. Ничего не видела и не слышала.

И снова «Скорая помощь». Кары не было – только Сашенька. Он и вызвал врача, потом оправдывался перед матерью:

– Я испугался! Ей было так плохо, что я испугался.

А Каринка ругала его. За что, интересно? И почему Анне было так плохо? Выходит, она болеет давно?

Игорь. Да, это он, ее муж. Он мало похож на себя – вообще-то он смуглый, очень смуглый. А сейчас – страшно бледный. И какие темные подглазья! Он болел? И рот не его. Совсем не его рот – у него же красивые пухлые губы. А здесь? Тонкая, плотно сжатая полоска. Но это он, Игорь, она это знает. Никакого подлога. Да, ей сказали, что он умер, она вспомнила. Кажется, она тогда закричала, даже упала. Ударилась? Да, рукой и бедром – было больно. Вот поэтому и вызвали «Скорую». Наверняка.

Игорь умер. Как странно… Такой молодой. Теперь она вдова? Господи… А отчего он умер? Надо бы спросить – наверное, Каринка знает. Она всегда все знает, ее Каринка.

Но тут Анна вспомнила – да ей же позвонили, ей! Какой-то мужчина с глухим голосом. Это он сказал ей, что ее муж умер. Да, скоропостижно скончался от инфаркта. Она все вспомнила! Как надо прощаться, господи? Подойти ближе, поцеловать его? Взять за руку? Нет, просто погладить. Голову, плечи, руки. Попрощаться. Сказать ему что-нибудь напоследок. Только что? И почему здесь, на стульях для родственников, рядом с ней, эта блондинка с детьми? А, и это вспомнила! Это его любовница и его дети. Смуглый, серьезный мальчик и беленькая капризная девочка. Это его дети, Игоря, ее законного мужа. И это – его женщина! Эта молодая и очень стройная женщина – его женщина, родившая ему двоих детей. Аня не смогла, не родила. Побоялась. А она не испугалась, эта блондинка. Молодец. Поэтому она здесь – на полузаконных основаниях. Или – законных? Потому что она – мать его детей. Выходит, она здесь на законном основании, а не Анна. Кто же тогда Анна? Оставленная и обманутая жена. Одинокая и бесплодная дура. Но попрощаться надо. Так положено. Только зачем? Что сказать ему сейчас? Что прощает его? А будет ли это правдой? А если нет, тогда зачем? Зачем врать здесь, у гроба? Шепнуть, что не прощает? Тоже – зачем? Сказать, что отпускает его? Она давно его отпустила. Или нет? Надо попрощаться с ним, и все. Пусть уходит с богом.

«Все на меня смотрят, – поняла Анна. – Чего они ждут? Скандала? Его не будет. Я же не брошусь к этой блондинке и не вцеплюсь ей в волосы. Я не доставлю им такого удовольствия. А они же все знали! Знали, что есть она. Есть эти дети. А мальчик похож на Березкина. Очень похож, такой смуглый мальчик. Ну да бог с ними.

Сейчас уйду. Попрошу Каринку и Сашеньку отвезти меня домой. Они не откажут же, правда? Зачем мне здесь оставаться? Пусть остается она, его женщина. Жена? Да, наверное, она и есть его жена – у них же дети. А я уходящая натура. Призрак. Мираж. Воспоминание из далекого прошлого. Я никто. Ни жена, ни мать, ни любовница. Ни художница. Я никто. Ну вот и все. Прощай, Игорь. Я сейчас уйду. Прощай».

Она легко и коротко дотронулась до плеча мужа и посмотрела на Карину:

– Ну что? Пойдем?

Та растерянно кивнула, обернулась на сына и отступила на шаг.

– Да-да, Анечка! Сейчас, сейчас! Давай выйдем на улицу, а? просто подышим. А уж потом… – Она замолчала, виновато глядя на подругу.

– Потом? – переспросила Анна. – А что потом, Кар? Кладбище, поминки? Нет, всего этого не будет, Кара, ни кладбища, ни уж тем более поминок! Я туда не пойду, разве не ясно?

Каринка кивнула.

– Я попрощалась, – твердо продолжала Аня. – Я попрощалась с ним, все. А дальше – она. Она и ее дети. Их дети. Я там, кажется, лишняя. Ей так будет легче. Да и мне тоже, правильно? Зачем мучить друг друга? Мы и так намучились, обе.

Каринка растерянно бормотала:

– Ты права, Анечка! Это немного… фарс, что ли? Я понимаю – две вдовы, да… Но положено же проводить! На кладбище, а, Ань? Как не проводить? И поминки – тоже положено. И тебе будет легче, поверь! Мы же решили с тобой – пережить этот день. Вот и…

Анна решительно перебила ее:

– Кара, я же сказала! Я ухожу. Ты как угодно. А помянем мы его дома. И на кладбище я с ним попрощаюсь потом. Наедине.

Чуть пошатываясь, Анна пошла к лестнице, ведущей вниз, на выход. Каринка семенила следом. У выхода она оглянулась – блондинка с детьми стояли у гроба. Вернее, стояли дети. А блондинка почти лежала на ее муже и громко рыдала.

Две недели после похорон Аня не выходила из дома. Лежала на диване и ничего не делала. Ничего. Не читала, не включала телевизор, не слушала любимое радио «Джаз и блюз». Просто лежала, прикрыв глаза, и вспоминала совместную

жизнь с Березкиным. Ее мужем. Впрочем, если по-честному, была ли у них эта так называемая совместная жизнь? Не было ее, надо найти силы и признаться себе в этом. Хотя бы себе. И вообще – был ли Игорь Березкин Аниным мужем? Тоже нет. Их вместе уже не существовало давно, сто лет как. Тогда вопрос – а зачем? Зачем вообще все это было нужно? Например, ему? Лет десять-двенадцать назад у него родился сын. Потом дочка. Столько лет он жил с другой женщиной, молодой и красивой, матерью его детей. Почему он не уходил от опостылевшей жены? Загадка. Жалел Анну? Вряд ли. Березкин был не из тех, кто кого-то жалеет. Нет, все понятно – с Анной ему было удобно. Но не в одних удобствах ведь дело! Так не бывает. Бояться ему было нечего – работу бы он не потерял, осуждения бы не вызвал. Тогда почему?

Это мучило Анну больше всего. А она, эта блондинка? Почему она не настояла на том, чтобы он ушел? Она имела полное право – двое детей. Кажется, она приезжая? Тогда тем более – ей надо было устраивать жизнь, она отвечала за детей, у них должен быть отец, квартира, наконец. Или он купил им квартиру? Вполне возможно – Игорь Березкин зарабатывал хорошо, даже очень хорошо.

Ладно, оставим блондинку. Есть ее, Анина, собственная жизнь, потерпевшая крах, полный крах. Она одна, и у нее ничего нет – ни детей, ни работы, ни мужа. Только пустота. Она прокручивала свою жизнь с Игорем год за годом, припоминая давно забытые подробности.

Молодость. Ну хотя бы тогда они любили друг друга? Она – да, разумеется. А он? Кажется, да… Любил. Если не убедить себя в этом, тогда вообще край. Тогда получается, что все зря, все напрасно. Вся ее жизнь, вся их бедность, тяготы быта в отцовской мастерской. Но ведь тогда Анна точно была счастлива! Оглушительно счастлива, она это помнит.

Потом профессиональный взлет Игоря – яркий, внезапный, почти неожиданный. И она снова счастлива – у него получилось! Вот именно тогда она закрыла тему со своей работой – да, именно тогда, когда решила стать просто женой, поддержкой, пристанью, плечом, костылем.

Ее жертву Игорь принял спокойно, как само собой разумеющееся. Двум талантам ужиться трудно, невозможно. Он предложил выбор, и Анна выбрала – спокойно, без слез и истерик. Так, значит так. Пожалуйста! Буду верно служить. А что тут плохого?

Игорь ни разу не спросил, как она. Он вообще никогда ни о чем не спрашивал – разговоров по душам у них не было. Жили как чужие люди, как соседи, выходит, так.

Она сразу и навсегда решила на него не обижаться, а гордиться им. Вот смешно: ни разу – ни разу, за исключением того, последнего, срыва, – она не высказала мужу свои обиды или претензии. Золотая жена, а? Нет, конечно, бывает, обижалась, а как же. Когда он не брал ее в командировки, например, когда уезжал в отпуск один. Да конечно же, не один – это она, дура, слепо верила в эти примитивные сказочки. А все вокруг, наверное, смеялись над ней. Идиотка, господи… Какая же она идиотка!

Игорь вел себя так, что «делать вид было глупо» – все было так очевидно! Всем, только не ей. Потому что ей не хотелось это видеть. Знать. Признавать. Ей было удобно жить в своем коконе, в своем теплом болоте, в своей уютной и мягкой люльке.

Она выбрала комфорт. Комфорт, а не жизнь. Карина права.

Ей всегда, всегда было трудно, почти невозможно сделать выбор. Даже в ерунде, в пустяках – Каринка смеялась над ней, «продуктом советской эпохи»:

– Капитализм не для тебя. Ты теряешься в магазине, в любом отделе, где есть выбор – колбаса, туфли, платье, духи. Тебе хорошо было тогда, в Союзе, когда не надо было ничего выбирать – бери что дают и будь счастлива.

Анна и вправду никогда не могла выбрать – туфли, сумочку, цвет кофты, сорт ветчины или сыра. Всегда терялась, раздумывала, сомневалась, прикидывала, сравнивала. А что говорить про другое? Она никогда не могла решиться сразу – ни на что: выбор института, поездка в отпуск, билеты в театр.

И вот теперь она тряпка, безвольная старая кукла со спутанными волосами и сломанными руками, с испуганными глазами и глупейшим выражением лица. Всеми забытая и выброшенная на помойку.

Анна бродила по квартире, которую так когда-то любила, в которую вложила все сердце и душу. Огромная квартира, сто десять метров. Гулко раздавались шаги. Зачем она ей? Зачем ей все это, если нет ничего?

Она плакала, громко сморкалась, вставала то под горячий душ, почти под кипяток, потом под ледяной, обжигающий, от которого начинало болеть сердце. Без конца пила чай, грызла старые сушки, и мак сыпался на ее несвежую майку и на дорогой персидский ковер.

Она не причесывалась, не мазала лицо кремом – ей было на все наплевать.

Каринка улетела черт-те куда, на Аляску, в Палмеру, на какую-то серьезную конференцию по проблемам гигантских овощных культур. Анна помнила, что подруга рассказывала ей про капусту весом в сто килограммов. Дело там, кажется, в солнце.

Конечно, подруга часто звонила! Но время не совпадало, и Анино равнодушие и нежелание разговаривать Карина принимала за сонное состояние.

Саша с невестой улетели на Бали – путевки были оплачены сто лет назад, и вообще, девушка бы не поняла, если бы он отказался ехать: ради маминой подруги? Ха-ха. Он тоже звонил, слава богу, редко – ему не до нее, и хорошо, все правильно.

Каринка появилась, как всегда, внезапно. Ввалилась в квартиру поздно вечером, в полдвенадцатого и без звонка:

– Ку-ку! Я туточки! Что, не ждали?

Анна не ждала ее, правда. Страшно смутилась своего непотребного вида. Но умница подруга сделала вид, что не заметила, что все в порядке вещей – подумаешь, грязная майка!

И рано утром, когда Анна еще спала, уже вовсю гудел пылесос и раздавался роскошный запах трав и кореньев – одновременно Каринка что-то готовила.

– Многорукий Шива! – объявила она, увидев на пороге кухни заспанную и растерянную Анну. – К вам явился многорукий Шива или Гай Юлий Цезарь. Он, кажется, тоже мог сто пятьдесят дел провернуть разом. – Карина устало опустилась на стул.

Она заставила Анну привести себя в порядок, поесть и даже вытащила на улицу.

– Хватит умирать, Анька! Смысла в этом, поверь, никакого… – вздохнула она – ничего не вернешь, надо жить.

– Зачем? – коротко спросила Аня.

Каринка пожала плечами:

– Чтобы жить, Аня. Все просто. От жизни добровольно не отказываются. Если в полном здравии, конечно, – быстро и испуганно добавила она, – это же не наш случай, правильно?

Теперь пожала плечами Анна:

– Наверное.

На улице было хорошо. Падал мелкий, мягкий снег, покрывая деревья, козырьки и крыши, воротники и шапки. От снега было светло.

– Какие светлые сумерки! – удивилась Аня. – Хорошо!

Каринка кивнула:

– Жизнь.

Вечером Аня тихо спросила:

– Ты знала?

– Про нее? – уточнила подруга. – Нет, откуда? Узнала только перед похоронами, когда хлопотали. Ты… не можешь его простить?

– Не его. Себя. За что его прощать? Все правильно, логично и закономерно. Я, скажу тебе, почти не удивилась. Надо же быть такой дурой! Ничего не хотела

видеть, ничего. Наверное, надо мной смеялись. Он – в первую очередь. И она заодно. Но он был гений, Карка! В своем деле – гений.

– Сволочь он был в первую очередь! – отрубила Каринка. – Распорядился твоей жизнью и уничтожил тебя.

Анна покачала головой.

– Нет, он ни при чем. Это я распорядилась. Сама.

Замолчали. Первой неуверенно начала Каринка:

– Ну, знаешь… Еще далеко до конца. Не все, конечно, впереди – что уж тут говорить! Но кое-что есть.

– И что ты по поводу нее думаешь? – осторожно спросила Аня. – И что знаешь?

– Что знаю? – переспросила Каринка. – Приезжая. Тридцать пять лет. Зовут Светлана. Живут на съемной квартире в Кузьминках. Мальчик в четвертом классе, девочка с няней. В сад нельзя, она аллергик. Ну вот и все. Что я могу про нее знать?

– Аллергик, – задумчиво повторила Анна. – Как Березкин.

Каринка от волнения кашлянула и испуганно посмотрела на Аню и быстро, словно решившись, сказала:

– Она хотела с тобой поговорить, эта…

– О чем? – искренне удивилась Анна и усмехнулась: – О чем нам с ней говорить?

– Я не знаю. Могу предположить. – Она замолчала. – Знаешь, я ведь тоже… была в таком положении. Я никогда не была женой, только любовницей. Не мне ее судить, понимаешь? Но я могу предположить, что она хотела тебе сказать! Я бы на ее месте тоже хотела. Прости. Но я ее отговорила. Не разрешила ей. Она – спасибо – послушалась. Подруга моя – ты. И я думала о тебе.

– Спасибо, – ответила Анна.

Каринка уехала – все понятно, мальчишки. Вечером позвонила:

– Ну как ты, Анечка?

– Да нормально! – бодро откликнулась Анна и неожиданно попросила: – Кара! Дай мне ее телефон! И не спорь, слышишь?

Каринка молчала, не понимая, что думать и что отвечать. Наконец, громко сглотнув, хрипло сказала:

– Ты уверена? Может, подумаешь?

Анна улыбнулась:

– Подумала уже, время-то было. Ты же знаешь – я всегда думаю и никогда не принимаю решения сразу – забыла?

Каринка вздохнула:

– Ага, как же. Помню.

– И кстати, у тебя нет юриста или нотариуса? Своего, в смысле?

– Юриста? – переспросила Каринка. – А зачем, прости за глупый вопрос.

– А, ерунда! – бодро ответила Аня. – Разобраться с квартирой – так, пустяковый вопрос.

– С квартирой? – осторожно переспросила Каринка. – Прости, что уточняю – с какой? С родительской, в смысле?

– Нет, с этой. С нашей… ну, с Березкиным.

– А что с ней, с квартирой? Что-то не так? – еще осторожнее поинтересовалась Карина.

– Да все так, не волнуйся! Просто хотела ее переписать на Светлану. И на ее детей, соответственно.

– На какую Светлану? – тупо повторила Каринка. – В смысле – на ту?
На Светлану? – тупо повторила она.

– Карка, ты тормозишь! – рассмеялась Анна. – Или ты не расслышала? Да, на нее. И на ее детей. На их с Игорем детей, Кара! А что тебя так удивило? Я же собиралась обратно домой? Ты забыла? Мы и ремонт сделали, а? И снова будем рядом, напротив. Эй, Кара, проснись! – Она рассмеялась.

– Аня, – наконец проговорила Каринка, – ты не в себе. Может, нам нужен не юрист, а доктор? Ты совсем спятила, Аня. Я сейчас приеду, слышишь? И не вздумай уйти из дома! – с угрозой добавила она.

– Да куда я уйду, господи? – устало ответила Анна. – Некуда мне уходить. И врач мне не нужен. Поверь, со мной все в порядке. Я вполне в себе. Просто я так решила! И что тут странного, а? Они же имеют право. Просто он умер и ничего не успел.

Каринка молчала.

А Анна воодушевленно продолжила:

– Ну так вот! Все нормально и даже отлично. Мы с тобой будем рядом, как раньше. И тебе не надо будет мотаться ко мне по всякому поводу, когда тебе покажется, что надо приехать. А вечером будем гулять! В парке, а? Уток кормить. Их ведь еще не извели? Ты говорила, они все еще есть!

Каринка по-прежнему молчала.

– Слушай, Кар! – тихим и усталым голосом продолжила Анна. – Я так решила. И мне стало легко, понимаешь? Ну сама посуди – зачем мне такая квартира? Я же говорила, мне надо отсюда уйти. Иначе ничего не изменится. И вообще эти сто с

лишним метров – кошмарная кубатура для одинокой женщины. Я как в лесу. Только «ау» кричать некому – не отзовутся. Я тут уже нажилась одна. И мне было плохо. А для троих – самое то! И не волнуйся, я уже давно попрощалась с этой квартирой. Еще при его жизни, помнишь?

– Я тебя поняла, – с усилием ответила Карина. – Будет тебе юрист. Есть на примете. – И она положила трубку.

Анна ходила по квартире и прикидывала, что еще надо забрать с собой в новую жизнь. Теперь многое надо было собрать – это ее жизнь, ее жизнь с мужем. Новым жильцам ничего оттуда, из той жизни, не нужно. Но сколько вещей, господи! И как их все разместить в родительской квартире? Кое-что можно свезти к Айвазянам на дачу. Например, большие картины, тяжелые и длинные гардины. Покрывало на огромную королевскую кровать. Семейную кровать. Которая никогда не была семейной, а если и была, то очень-очень давно.

Теперь, когда она все решила и почти собралась, пришло время позвонить Светлане.

Анна пыталась говорить беззаботным голосом, но голос срывался. Светлана слушала молча, не перебивая. А когда Анна закончила, осторожно спросила:

– А вы не передумаете? – И тут же смутилась: – Ой, простите! Я что-то не то говорю! Просто я ошарашена, если честно.

В общем, кое-как договорились на следующий день встретиться на Маяковке, у нотариуса, «чтобы закончить с пустяковым вопросом», – закончила свою речь Анна.

Каринка позвонила ранним утром следующего дня и начала сразу с места в карьер:

– Послушай ты, не побоюсь этого слова, идиотка! Я не могу просто так смотреть на все это! На твою несусветную дурость, идиотизм и шизофрению. Ты еще не одумалась, кстати?

– Кара! – взмолилась Аня. – Оставь меня! Очень прошу! Я уже все решила. И обратной дороги нет, понимаешь? Я уже позвонила этой женщине… – Она осеклась. – Этой… Светлане.

– Дай и черт с ней, с этой Светланой! – завопила Каринка. – Кто она тебе, кто? Сестра или подруга? Она тебе – любовница твоего мужа! Которого, между прочим, она не увела у тебя по чистой случайности, просто не успела, чуть-чуть времени не хва- тило.

– При чем тут она? – вздохнула Аня. – Если кто и виноват, то мы сами, Березкин и я. А скорее всего – я одна.

– И давно ты у нас святая? – желчно осведомилась подруга.

– Да какая я святая, брось! Я же все равно собиралась уходить от него. И даже почти ушла из этой квартиры. А там дети, Кар! И они уж точно ни в чем не виноваты. Да и зачем мне все это? Мне одной? Я сто раз говорила тебе – дело совсем не в моей, как ты говоришь, святости! Я это делаю в первую очередь для себя. Только так я могу изменить свою жизнь. Хотя бы попробовать. Вдруг получится, а? – Анна нервно хихикнула. – Да и потом, Кара, я устала быть несчастливой. Очень устала. Да и зачем мне эти дурацкие метры?

– Зачем? – заорала Каринка. – А чтобы продать! Или сдавать! На что ты, кстати, собираешься жить? На пенсию? Так она у тебя через два года! Березкина больше нет, и денег тебе никто не даст. А может, у тебя накопления? Или ты свято веришь в то, что тебе зачтется? Потом, когда-нибудь? Нет, дорогая! Забудь! Единственное, что ты получишь на «сладкое», – это всеобщий радостный смех. Ты рассмешишь людей, Аня! Доставишь им удовольствие. Я подозревала, что ты с приветом! Но уж никак не думала, что ты блаженная! Знаешь, а может, тебе не в родительскую квартиру вернуться? Давай прямиком в монастырь!

– Да нет у меня ничего, никаких накоплений, – резко оборвала подругу Анна. – Так, ерунда. Ты же знаешь, он давал только на жизнь, все. Правда, давал прилично, можно, конечно, было откладывать, копить. Но я как-то тогда об этом не думала.

– А вообще ты о чем-то думала? Для того чтобы думать, милая, нужна голова, а у тебя – прости – ее нет!

– Кара, закончили! Ну пожалуйста! Как ты думаешь, мне легко будет жить, если я буду знать, что его дети без крыши над головой. Ты же сама говорила, как трудно с детьми без мужа.

– Брось! – устало ответила Каринка. – Жить будешь неспокойно? Какое тебе до них дело? Чужие люди. Знаешь, я могла бы ее понять, посочувствовать – сама такая же, все правильно ты говоришь. Только почему я должна думать о ней, об этой молодой и здоровой бабе? Я подумаю о тебе, о своей подруге! Не очень молодой и не самой здоровой. Умоляю, Анька, не делай этого! Христом богом прошу! Потом пожалеешь! Тридцать миллионов на дороге не валяются! И вообще – разве ты не заслужила спокойную старость? Всю жизнь служила ему, как… – тут она запнулась.

– О чем ты, Карка? О чем я пожалею? – рассмеялась Аня. – Об этой квартире? А больше не о чем мне пожалеть?

Каринка молчала.

– Вот именно! – вздохнула Аня. – А ты говоришь. И вообще, это же мое дело, верно?

– А-а-а! – с сарказмом протянула Каринка. – Значит, твое? Ну-ну. Валяй, раз только твое. А мы тут так, сбоку припека. Я поняла, Ань. Извини.

Анна попыталась объясниться, но в трубке зазвучали гудки. Конечно, она обидела Каринку. Сколько подруга возилась с ней, сколько мучилась. Сидела возле нее сутками. Кормила, поила, привозила врачей. А Анна? «Мое дело». Сволочь она, конечно, после этого.

Анна бы и дальше плакала и каялась, но времени не было – через два часа у нее встреча на Маяковке с нотариусом и со Светланой. Надо было спешить.

Через две недели она переехала.

Анна ходила по своей новой-старой квартире и вспоминала родителей, детство, детский сад и школу, подходила к окну и смотрела на двор, где прошли их с

Каринкой детство и юность. Вот лавочка под дощатым навесом, окрашенная прежде в ярко-зеленый цвет – она вспомнила, как они с Каркой плюхнулись на нее, а краска еще не подсохла. Конечно, испортили платья. Аню страшно ругали родители. Ох, ну и досталось же ей тогда за «порчу имущества»! А Каринку совсем не ругали – бабушка Нина вздохнула, повертела испорченное платье, да и выбросила – подумаешь! Здесь, в этом дворе, они, совсем маленькие, лепили куличики в круглой песочнице. Позже закапывали «секретики» и играли в классики и резиночку. Еще позже кокетничали с дворовыми мальчишками и даже целовались в подъезде.

Аня поставила чайник.

– Я вернулась! – вслух сказала она. – Я вернулась домой.

Она выпила горячего чаю и легла на диван, укрывшись пледом. Оглядела свою новую спаленку, бывшую детскую – всего-то восемь метров! – и подумала: «Как мне уютно. Я ведь всегда боялась больших помещений, пространства. Как это называется? Боялась толпы – это, кажется, демофобия. Мне всегда становилось нервно и тревожно в больших магазинах и выставочных залах. Психопатка, я не спорю. Я всегда и всего стеснялась, боялась выделиться из толпы, быть замеченной. Боялась ярко одеваться, привлекать к себе внимание. Мне нравилось зарываться в своей норе и прятаться, да».

Она закрыла глаза и вспомнила встречу со Светланой. Та стояла перед дверью нотариальной конторы, смущенная и перепуганная. Увидев Анну, она вздрогнула и побледнела. Анна любезно кивнула и попыталась улыбнуться, чтобы подбодрить. В тот день Светлана не показалась ей такой уж молодой – она увидела и ее морщинки, и усталые глаза, и бледную кожу. И никакая она не демоническая красавица – обычная женщина, обычная. Ничего примечательного – таких сотни. И ей, кажется, стало полегче.

По счастью, вся процедура заняла час от силы. Анна еле стояла на ногах, держась из последних сил. Наконец они вышли из конторы, и надо было прощаться.

– Спасибо вам, – тихо сказала Светлана хриплым от волнения голосом. – Большое спасибо!

– Пожалуйста, – просто ответила Анна. – Будьте там счастливы.

Она первая развернулась и пошла к метро, чувствуя, как дрожат руки. Она успокаивала себя, приговаривая: «Ну вот, всё, всё! Все закончилось, и слава богу. Закончилась та жизнь. И началась другая». Почему-то она обернулась. Светлана стояла на том же месте и смотрела ей вслед. Анна смутилась, кивнула, махнула ей рукой и быстро, не дожидаясь ответа, вошла в метро.

Каринка обиделась и пропала. Анна позвонила ей на следующий день, и ее сын, Кирюшка, сказал, что мама улетела в командировку.

– Надолго? – спросила Аня.

Он задумался:

– Ой, я забыл, теть Ань! Сейчас спрошу у Николы!

Никола тоже помнил приблизительно – кажется, мама должна вернуться через неделю или дней через десять. Точно и он не помнил.

– Спасибо, – ответила Анна, – я ей позвоню. И кстати, мальчишки, если что-то надо – я здесь, рядом. В подъезде напротив.

Новая жизнь не начиналась. Все было по-старому. Анна сидела дома, рассматривала альбомы с семейными фотографиями, вспоминала родителей и Березкина и много плакала. Хандра не проходила. Спасали старые книжки, собранные родителями, – те, что она читала в юности. Она с удовольствием перечитывала Чехова и Тургенева, Гончарова и Пруста, Золя и Мопассана. Иногда смотрела старое кино по телевизору. Наступил март, и по утрам по окнам и подоконнику мелко стучала капель.

Каринка простила ее – конечно, простила. Но забегала нечасто – дела. Сашенька собирался жениться – прибавилось хлопот и тревог.

Как-то вечером, в субботу, сидели у Анны и пили белое вино. Молчали. Анна видела, как Каринка устала, да она и не скрывала:

– Да, Ань, устала. Командировки, кафедра, научная работа. Как хочется отдохнуть где-нибудь на теплом море, под пальмами! Лежать и не двигаться – красота! Просто смотреть на море и молчать. День, два, неделю. И чтобы – никого!

– Даже меня? – усмехнулась Аня.

– Даже тебя, прости! – улыбнулась Карина. А после спросила: – Ты все-таки простила своего Березкина?

Анна улыбнулась:

– Ты только подумай, как мне повезло. Я же ничего не знала при его жизни ни про эту женщину, ни про их детей. А как бы я страдала, ты представляешь? Как мучилась! Тогда я бы его не простила. А потом он умер, и кого мне теперь прощать?

– Знаешь, – задумчиво сказала Карина, – я тебя всегда считала такой… козой, тетехой. Одним словом, росомахой – уж прости и не обижайся.

Анна перебила ее:

– В смысле того, что я никогда не могла принять решение, да?

– Ну и это тоже, да. Не обиделась?

Анна покачала головой:

– Так правда же, на что обижаться?

– А ты такое выдала… На это способен только сильный человек, с большой силой воли. И силой характера. И еще – с огромной, необъятной душой. Короче, ты,

Анька, меня потрясла.

Анна отмахнулась:

– Да брось ты! Я же не от необходимого отказалась, а от лишнего. Я ведь так хотела начать новую жизнь! А не получается, Кара, почему-то не получается. А ты говоришь – сильная. Какая я сильная? Плакса я, рева и страшная трусиха.

– Я пойду, – сказала Каринка. – Завтра будущие родственники, родители Сашиной невесты, придут познакомиться и все обсудить. Может, заглянешь? Что тебе тут одной?

– Нет, Кар, спасибо! – Анна положила ладонь на Каринкину, слегка ее пожала. – Это дело семейное, при чем тут я? Сами разбирайтесь! И ты меня не пристраивай, Карка! Хватит меня опекать и жалеть. У тебя жизнь куда сложнее – ты отвечаешь за многих! А мне надо учиться самой жить и самой за себя отвечать. Пора ведь, как думаешь?

Каринку осенило на следующее утро – вот тогда и состоялся разговор по поводу Аниной поездки на море.

Деньги, кстати, у Ани заканчивались – те, что оставались еще от прежней жизни. Какая поездка, о чем вы? Но подумала – а хочется очень, очень захотелось уехать. Куда? Да все равно! Пусть на дней десять, на неделю. Нет, недели, конечно, мало. А вот дней десять – в самый раз.

Эта мысль, дерзкая и прекрасная, так зацепилась, что стала навязчивой идеей. Мечтой. Аня пересчитала оставшееся – да, еще немного есть. На скромную жизнь – примерно на год. На разгульную – на пару месяцев. А на поездку – хватит. Должно хватить – если не очень шиковать. А что потом? Разберемся. В конце концов, однова живем. Анна сама испугалась и удивилась своей лихости.

Да уж, коза! Сорвалась с цепи смирная коза – выходит, что так.

Стала смотреть туры. Италия, сладкая греза, выходила недешево. Дороже всего остального. Но мечта есть мечта!

Решила дождаться мая – ехать в апреле было неправильно, еще прохладно и возможны дожди. А май – прекрасное время! Лучше и не придумать – жары еще нет, а тепло и солнце уже есть. И море, пусть пока холодное.

Путевку купила, не сказав Карине: решила сделать сюрприз и еще раз поразить подругу – вот я какая отчаянная! А потом подступил страх: никогда она одна в далекое путешествие не отправлялась – Ялта не в счет. Как же – она ведь такая трусиха? Господи, что она сделала? Но билеты не сдашь – дешевые, несдаваемые. Значит, потеря. От путевки отказаться можно – правда, и здесь потеряешь. Анна взяла себя в руки – вот оно, начало новой жизни! А если сдрейфить, отказаться, можно поставить на этой новой жизни крест. В конце концов, не в ссылку же она себя отправляет! Не на неизвестную работу. Не в горы, не в степи, не в прерии – все цивилизованно, все спокойно.

Ежедневные тренинги помогли. Каринке призналась за неделю до отъезда, когда почти был собран чемодан.

Та ахнула и закричала от радости:

– Ну ты даешь, мать! Вот молодчина! Нет, ты не коза – козочка! Молодая и бодрая – вон как копытцем застучала! Ох, молодец!

В тот же вечер прибежала, проконтролировала сборы, проверила билеты и путевку – с тебя, козы, станется! Успокоилась, долго пили чай, и Каринка рассказывала про будущую свадьбу старшего сына.

В понедельник, двадцать пятого мая, Анна улетала. В аэропорт ее отвез Саша. Проводил до самой стойки оформления, как велела мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/cvety-i-pticy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити